

А. К. АМБРОЗ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ *

От точности датировок раннесредневекового археологического материала зависит правильное понимание процесса формирования многих современных народов и генезиса феодализма. Однако принятая сейчас хронология очень неравноценна в отдельных частях и во многом устарела. Она складывалась с конца XIX в. по частям и нередко эмпирически. Поэтому даты часто расплывчаты («V—VI вв.», «V—VII вв.» и даже «IV—VIII вв.»). Ее основа — немногочисленные могильники с монетами (Керчь, Суук-Су, Чми), а огромную массу безмонетных памятников датируют, подыскивая отдельные приблизительные аналогии в этих памятниках-эталонах.

Монеты сами по себе не дают точной даты комплексов. Даже в некрополях античных городов они нередко «запаздывают» на 100—400 лет. Еще более это относится к «безмонетным» периодам и территориям. Вот несколько примеров из многих. В могилах второй половины VI и VII вв. из Суук-Су найдены следующие платиновые и медные монеты: две 279—308 гг., по одной III в., 408—450, 518—527, 527—565, 597—602 гг. В Галиате лежали вместе монеты 613—614 и 701 гг. В могилах, датированных арабскими монетами VIII и IX вв., часты византийские и сасанидские монеты (и брактеаты) VI и VII вв. (семь комплексов в Чми, шесть в Мыдлань-Шае) и т. д.¹ Аналогичная картина наблюдалась и на западе, в близком соседстве с римскими и византийскими провинциями с их развитым денежным хозяйством. Так, в 30 западносарматских погребениях IV в. в Венгрии монеты относились к I и II вв. и только в шести были современны захоронениям. Там же в гепидских некрополях VI в. встречаются только бронзовые и серебряные монеты II и IV вв.: в четырех из 73 могил на кладбище в Сентеш-Кёкенъзуг, в восьми из 306 в Сентеш-Берекхат, в пяти из 114 в Кишзомборе «Б». И лишь два раза на эти 18 римских монет из 523 погребений VI в. пришлось золотые монеты 491—518 гг. В византийской крепости Диногеция медные римские монеты IV—V вв. обращались наравне с более поздними и обильны в слое пожараща середины VI в.² Не показательна и степень изношенности монеты: она зависит

* Статья печатается в двух частях. Нумерация рисунков (1—15) и таблиц (I—IV) общая для всей работы (рис. 1—8 и табл. I—II помещены в первой части, остальные — во второй).

¹ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. I—IIАК, 19, СПб., 1906; стр. 16, 23; II — ЗООИД, XXVII, 1907; стр. 122, 123 (Суук-Су); Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. СОНИИ, IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 151—153, 164 (Галиат); Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908 (Чми); В. Ф. Геннинг. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. БАУ, 3, Свердловск, 1962.

² M. Párducz. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. III. Budapest, 1950, стр. 226, 231, 245, 246; D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitledonaubecken. Budapest, 1961, стр. 28, 35, 73—92, 149, 174—190; J. Barnea. L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle. «Dacia», X. Bucuresti, 1966, стр. 257, 258.

от интенсивности ее хождения в стране чекана до того, как она попала к варварам; а сколько она хранилась у варваров как сокровище, это можно узнать только по сопровождающим ее местным вещам.

Наиболее объективен метод относительной хронологии. Сначала по устойчивым сочетаниям «узких» вариантов вещей объединяют комплексы как можно в более однородные и, значит кратковременные группы. Выяснив их относительную последовательность (по стратиграфии или двум-трем и более параллельным эволюционным рядам вещей), получают как бы серию напластований. Лишь теперь видно, какие датирующие вещи характерны для каждого этапа, а какие случайно запоздали (рис. 1, 3). Каждый комплекс датируется по самой поздней вещи. В итоге получается большое количество местных вертикальных шкал, каждая включает от двух до шести-восьми этапов (рис. 1, 2).

Следующий этап работы — синхронизация этих шкал. Например, геральдические пряжки и бляшки (рис. 5 и 6) встречаются во многих колонках. Их принято относить к VI — VII вв., по Суук-Су и византийским городам на Дунае. Но ряд памятников с подобными пряжками (Пашковская I, Гиляч, Шипово) датирован исследователями IV—V вв. только по наличию вставок стекла на украшениях (со ссылкой на Керчь). Однако геральдические части поясов настолько специфичны по своим деталям формы, что о конвергенции не может быть речи: они распространились путем заимствования и подражания. Следовательно, содержащие их комплексы приблизительно одновременны. Волнистая линия на рис. 1, 2 показывает, как противоречиво разные исследователи датируют комплексы с этими вещами (колебание до 350 лет), а прямая линия от цифры 600 — их синхронизацию. Естественно, что это лишь наглядная схема: сама синхронизация велась на основе систематизации карточек с воспроизведением всех вещей каждого комплекса. Сопоставление других типов вещей (различных пряжек, серег, фибул, подвесок, оружия, стремян и т. д.) позволило синхронизировать и другие этапы местных шкал.

В итоге получилась единая относительно-хронологическая система, показывающая взаимосвязь между всеми этапами разных культур IV — IX вв. на обширных пространствах Южной Европы и Азии (рис. 1, 1 — 2). Эта система подобна прочной, но эластичной сетке: ее «узлы» на пересечении вертикальных местных колонок и синхронистических горизонтов «держат» всю взаимосвязанную систему так, что уточнение абсолютной даты любого этапа одной из колонок вверх или вниз (скажем, с V на VI в.) неизбежно повлечет перемещение не только выше- и нижележащих этапов этой колонки, но и синхронных им этапов по всей системе. Это очень важно. Ведь при изолированной датировке методом случайно выхваченных аналогий синхронные памятники разных территорий могли быть произвольно датированы с разрывом между ними в 300 — 400 лет, и это не вызывало у исследователей сомнения в правильности датировок. При единой хронологической системе достаточно абсолютно датировать лишь некоторые звенья в локальных колонках, как уже вся совокупность получит абсолютно-хронологическое определение. Например, как видно, на рис. 1, 2, датирующие монеты есть лишь для некоторых этапов очень немногих памятников, но в сумме они хорошо обеспечивают по полустолетиям всю систему (столбец 1 на рис. 1, 2). Монет и надписей нет лишь во второй половине VII в., но выше и ниже этот отрезок как бы «подпирается» этапами с монетами. Точно так же каждый этап с монетами с двух сторон «подпирается» и ограничивается соседними.

Откуда были взяты первые датировки в начале работы, когда еще не было системы? Относительная хронология большинства материалов в V—VIII вв. на Юге СССР разработана слабо, лишь для немногих памятников были выделены этапы, имелось много лакун. Прочную «рамку» давали лишь позднеантичные могильники Крыма IV в. и хорошо изученные салтовские древности второй половины VIII и IX в. Между ними

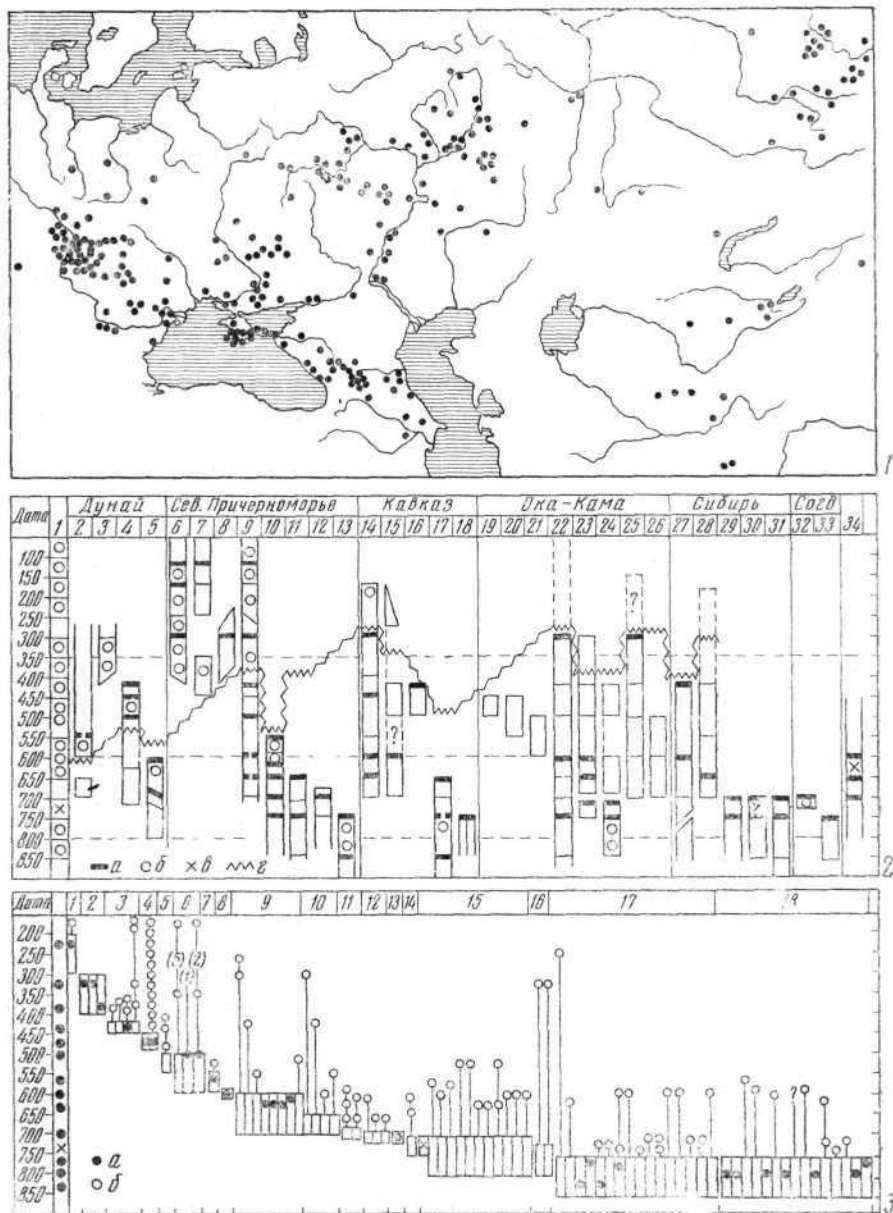

Рис. 1. Географическое и хронологическое распределение использованных материалов

1 — размещение памятников; 2 — основы периодизации. Обозначения: а — хронологически важное изменение стиля; б, в — дата подтверждена монетами (б) и надписями (в); г — пример разрыва в общепринятой хронологии (для памятников VII в.). Цифровые обозначения: 1 — распределение датированных монет и надписей по столетиям; 2 — византийские города на Дунае и поселение VII в. на развалинах Юстиниана Прима; 3 — римские могильники (Шагвар и др.); 4 — древности эпохи переселения народов (с инкрустированными вещами гуннской поры, послегуннские, гепидские и типа Кернье); 5 — авары; 6 — сельские могильники Юго-Западного Крыма; 7 — Танаис; 8 — черняховская культура; 9 — Пантикапей — Восток; 10 — памятники типа Суук-Су; 11 — «антские» комплексы Среднего Поднепровья; 12 — Перещепино, Глодосы и Вознесенка; 13 — сал-

товская культура, по С. А. Плетневой; 14 — Абхазия; 15 — Байтал-Чапкан; 16 — Нальчик, могила, раскопанная М. И. Ермоленко в 1923 г. за Вольным Аудом; 17 — Чми; 18 — Галиат (1935 г.) и Песчанка; 19 — Муслимово; 20 — Тураево; 21 — Федоровка; 22 — разано-пензенские культуры; 23 — Башкирия (Бирск, Шареево); 24 — домоватская культура (Качка из раскопок В. Ф. Генинга; Бурково и могила «а» в Качке; Деменки и Неволино; Мыдлань-Шай); 25 — мазунинская культура; 26 — азелинская культура; 27 — Верхняя Обь (одинцовский — сорокинский этапы); 28 — поздняя таштыкская культура; 29 — Кудыргэ; 30 — тюркские изваяния; 31 — тюркские древности с поясами бляхами-оправами («катандийская группа»); 32 — III группа живописи Пенджикента; 33 — тюркская могила у обсерватории Уллубека; 34 — этапы развития стрелы. 3 — Соотношение ар-

опорным пунктом был только нижний горизонт Суук-су, приуроченный В. К. Пудовиным ко второй половине VI и первой половине VII в. Поэтому сначала за основу была взята хронология Среднего Дуная IV — VIII вв. Над ней работало много исследователей, и она стала у нас и за рубежом общепризнанным хронологическим эталоном из-за обилия кратковременных этапов часто сменявших друг друга культур. Вот эти этапы: 1—IV в. (римская и сарматская культуры); 2 — первая половина V в. (эпоха гуннов); 3 — вторая половина V в.; 4 — VI в. (гепиды и лангобарды); 5—VII в. (ранние авары); 6 — рубеж VII—VIII вв. (II аварский период); 7 — VIII в. (поздние авары). Сами эти этапы составляют не более 100 лет, а расхождения между датами исследователей не превышают 50 лет. Уже одно подробное сопоставление с Дунаем внесло важные поправки в хронологию Боспора и Кавказа. Позднее разработка единой хронологической системы СССР не только явилась самостоятельной основой, но внесла существенные уточнения в хронологию Среднего Дуная. Теперь наиболее доказательна система в целом. Поэтому при чтении каждого раздела надо кроме частных обоснований учитывать всю систему взаимнодополняющих разделов.

Чем был обусловлен отбор материала для работы? Мною подробно датированы памятники IV — VII вв. Восточной Европы и Кавказа (кроме Прибалтики, слабо связанной с Югом СССР), по публикациям использованы сравнительные материалы Сибири, Средней Азии, а также Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и в меньшей мере других стран (рис. 1, 1). Пока опущена керамика: она везде локальна и не всегда хорошо представлена в погребениях. Незавершенность хронологии V — VIII вв. и неравномерная обеспеченность эпох материалом заставили начать с разработки хронологии комплексов, однако без полноты охвата всех находок данной эпохи за счет привлечения огромного беспаспортного материала музеев. Именно нужды работы по составлению свода фибул V — IX вв. побудили меня сначала обратиться к общим вопросам хронологии. Лишь на базе предварительной единой хронологической системы можно будет перейти к углубленному монографическому исследованию отдельных категорий вещей в виде «сводов». Объем текста сильно сжат за счет описаний и количественных показателей, поскольку весь материал опубликован. Например, достаточно просмотреть указанные здесь публикации по IV и V вв., чтобы на большом материале убедиться в существенном различии язычков пряжек. Для краткости не разбираются точки зрения на хронологию, с которыми автор не согласен.

Многолетняя систематизаторская практика заставила меня отвергнуть некоторые требования формального метода. Построение всей классификации по одному признаку обеднило бы многообразие материала и подменило бы реальные закономерности развития вещей чисто условной схемой. Построение эволюционных рядов обязательно, но их правильность подтверждается только хронологией комплексов. Я не привожу корреляционные таблицы комплексов отдельно по каждому могильнику, так как почти ни один из них не раскопан целиком. Их эволюция полнее обрисовывается

хеологической периодизации и монет: а — монеты датируют; б — не датируют. Перечень памятников: 1 — Керчь, могила из раскопок 1841 г.; 2 — Инкерман, могилы 37, 13, 31; 3 — Керчь, склепы 145, 154 и 24 июня 1904 г.; Валя Стрымба (Текерёпатак), клад; 4 — Караузово, Югославия; Турна, Бельгия; 5 — Конажов, Польша, клад; 6 — могильники гепидов Венгрии: Сентеф-Берекхат, Сёрег, Кишзомбор «Б»; 7 — Суук-Су, мог. 56; 8 — Суук-Су, мог. 77; 9 — Суук-Су, мог. 166, 199; аварская I группа: Сынгетрул Жерман, Крштул, Ловченец, Кишзомбор «О», Кунагота; 10 — Суук-Су, мог. 131, 154; Кореиз; Чми, мог. XII; 11 — Перещепино, Келегейские хуто-

ра; 12 — аварская II группа: Сегвар-Кордьярт, Сегед-Маккосерде, Озора; 13 — забутовка-субструкция под зданием IV комплекса VI объекта в Пендзиненте; 14 — Новые Сенжары; 15 — памятник Кюль-Тегина (с надписью 732 г.); Кудыргэ, мог. 15; Чми, мог. VII, XXII; Неволино, мог. 4, 12, 13, 34, 53, 81; Деменки, мог. 8, 63; 16 — аварская III группа: Пилишмарот-Башахари, мог. 188, 225; 17 — Неволино, мог. 41, 65; Мыдлань-Шай, мог. 1, 5, 7, 8, 10, 14, 16, 20, 21, 58а, 64, 69, 74; Деменки, мог. 64; 18 — Чми, мог. II, V, XIV, XVI, XIX, XX, XXII, XXVI, XXVII; Харх, мог. 2; Галиат, 1935 г.; Романовская; Столбца; Сроетки, мог. 2; Катанда II, мог. 2.

при объединении нескольких близких памятников в одну таблицу. Особые таблицы для показа взаимовстречаемости вещей — в лучшем случае тавтология, но чаще они затемняют картину, объединяя материал разных этапов по случайному признаку формальной взаимовстречаемости (за счет запаздывших ранних вещей в более поздних комплексах), и ведут к ошибкам³. Лишь корреляционные таблицы комплексов (табл. I — II) чутко показывают реальное сочетание вещей, позволяя отделить основной период бытования от случайного запаздывания. Исчерпывающая разработка хронологии комплексов должна предшествовать и использованию статистических методов⁴.

Выясняется, что в основу общепринятой восточноевропейской хронологии IV — VI вв. в значительной мере положена датировка В. В. Шкорпилом некрополя Керчи (развита Л. А. Мацулевичем): IV в. — этап инкрустаций; V в. — этап пальчатых фибул; в VI в., по Л. А. Мацулевичу, Керчь якобы заглохла, и этот этап представлен Суук-Су. В. В. Шкорпил не был специалистом по IV—VI вв., он датировал найденные им могилы предварительно, по одним монетам, без детального анализа инвентаря и без сопоставления с более изученными материалами западных областей. Так же поступали Н. И. Репников и В. В. Саханев. Однако последующие авторы ограничились ссылками на В. В. Шкорпила, Н. И. Репникова и В. В. Саханева, не подвергая их предварительные датировки проверке или уточнению. Единственным исключением явилась ценная работа В. К. Пудовина о хронологии Суук-Су⁵. Не удивительно, что при более детальном изучении восточноевропейской хронологии V — VIII вв. выявилась неизбежность ее коренного пересмотра в целом.

Период III — VII вв. на Боспоре делится на пять этапов. Первая половина III в. — расцвет Боспорского царства. Его влияние, судя по фибулам, охватило Северный Кавказ, Поволжье, Дон и частично Крым (фибулы I — IV вв. исследованы мной в специальной книге). Фибулы традиционных северопричерноморских форм не перешли в следующее столетие. Пряжки I—III вв. (их дата общепризнана) на Юге СССР различных. Фигурные литые пряжки связаны с культурой городов и исчезли в III в. Округлые простые проволочные пряжки имели гладкий, слегка прогнутый в середине и слабо изогнутый на конце узкий язычок (как на рис. 2, 2)⁶. Их изменения по столетиям не изучены (иные пряжки с прогибом есть и в VI—VII вв. — рис. 9, 31, 37, 57). Уже в III в. кольца и язычки многих округлых пряжек равномерно утолщены, иногда гранены (рис. 2, 1 — 5)⁷. Встречаются кольца, чуть утолщенные спереди, язычки иногда уже без прогиба, массивные и украшенные фасетками так, чтобы у основания осталась плоская площадка — эти признаки получили дальнейшее развитие в IV в. В III в. много обтянутых золотым листочком и инкрустированных украшений (типа «гробницы с маской», рис. 2, 3 — 5).

Но вопреки традиционному мнению, их стиль иной, чем в эпоху великого переселения народов (рис. 2, 13, 17—27, 29, 30), прямой преемственно-

³ В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 132—135, рис. 4; по монетам часть могил VIII—IX вв. отнесена к VI—VII вв. (ср. здесь табл. IV).

⁴ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV — V вв. СА, 1959, 3, стр. 49, 51, 57, 64 (статистические подсчеты основаны на традиционном отнесении к IV—V вв. Панковской I, Борисова, Гиляча, Байтал-Чапкана, части Суук-Су и Чуфут-Кале).

⁵ В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, 1.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, рис. 82, 4; 85, 4; 91, 4; 95, 4; В. П. Шолов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, рис. 49, II; Э. А. Симонович. Фибулы Неаполя Скифского. СА, 1963, 4, рис. 3, 2.

⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, рис. 4 (с ними серебряные подвязыные фибулы III серии 15-й группы с гранеными дужками, хранящиеся в Пятигорском музее. Все вещи имеют аналогии в сарматских и керченских могилах III в.); Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2, рис. 3, 1—3, 7, 8, 12.

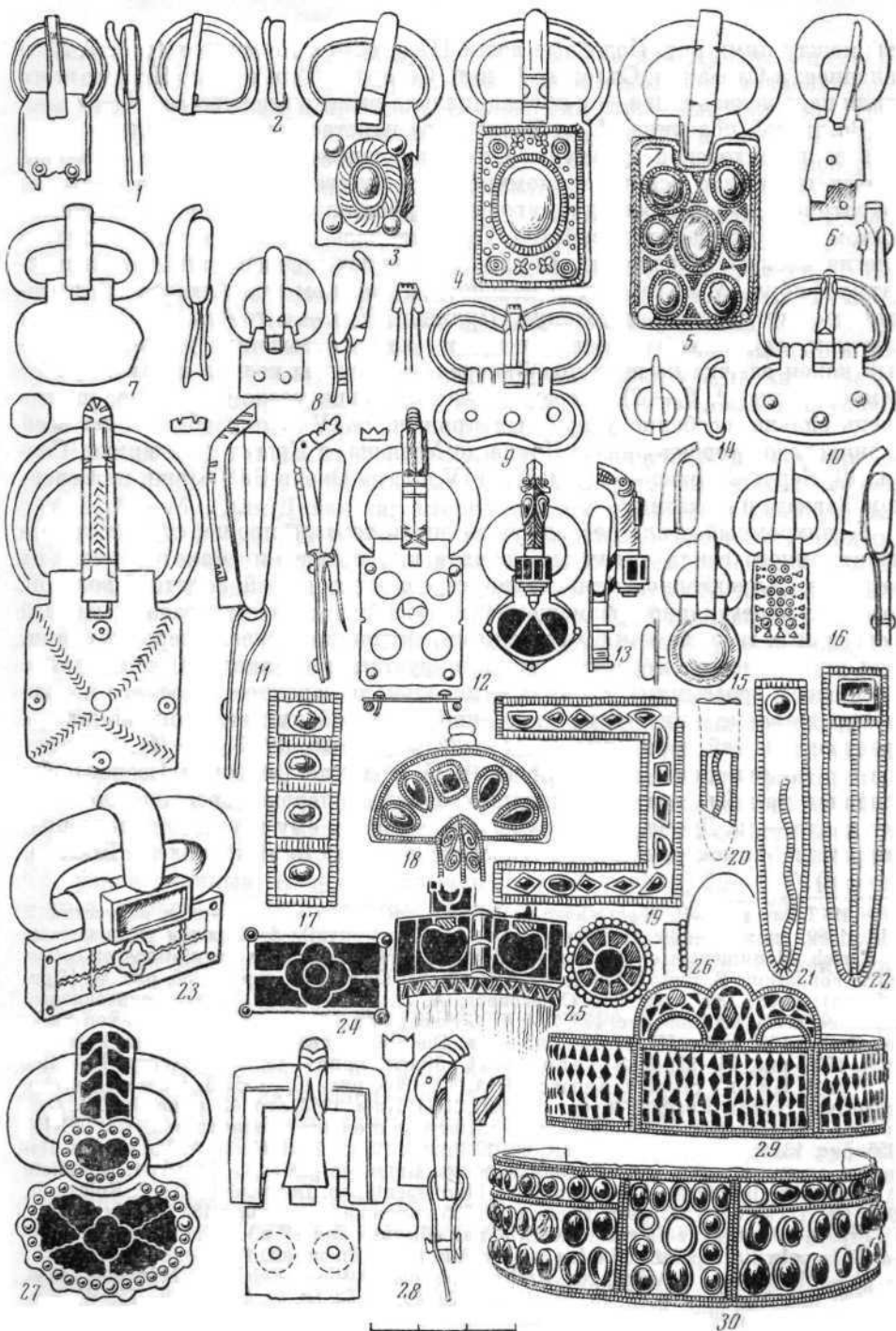

Рис. 2. Вещи III—V вв.

1—5 — III в., 6—10 — IV в., 11, 12 — V и первая половина VI в., 13—22, 25, 26, 29, 30 — V в. (13, 16, 18 — первая половина V в.), 23, 24, 27 (может быть, и 25) — вторая половина V в., 28 — VI—VII вв. 1—2 — Буденновская слобода; 3 — Херсонес; 4 — Тимошевская; 5 — Керчь, на бывш. усадьбе Мессаксуды; 6 — Будешты; 7 — Спапцов, Румыния; 8 — Индепенденца, Румыния;

9—10 — Шагвар, Венгрия; 11 — Аухвамаха, погр. 3 (по М. М. Трапшу); 12 — Рутха; 13, 18, 25, 29 — Керчь; 14, 15, 20 — Вольный Аул, могила; 16 — Якушовице, Польша; 17, 19, 22, 26 — Ново-Тригорьевка; 21 — совхоз им. Калинина; 23 — Украина (ГИМ); 24 — Чегем; 27 — Апахида, Румыния; 28 — Абгыздрахва, п. 13; 30 — Березовка. Масштаб — к рис. 1—18, 20—22, 24, 26—28

сти между ними нет. Подобные вещи III в. есть в Херсонесе (рис. 2, 3) и западнее: в Словакии, Силезии, Дании, Северной Германии⁸. Истоки этого стиля надо искать шире — в провинциально-римском искусстве.

Во второй половине III в. Боспорское царство было опустошено носителями черняховской культуры. Столица уцелела, но разорение сельской округи подорвало основу экономического процветания Боспора. Царство сократилось до размеров одного города и пришло в упадок, усугубившийся ростом натурализации хозяйства. Прекратилась чеканка монеты, исчезли многие местные украшения. Обилие прогнутых подвижных и двупластинчатых фибул IV в. говорит о сильном варварском (черняховском) влиянии на быт местного населения. Пряжки IV в. — с толстым хоботковым язычком, ступенчато срезанным сзади (часто с высоким уступом). Острый конец язычка не выступает вперед за пределы кольца или выступает немного (рис. 2, 6 — 8). Передняя часть кольца резко утолщена, иногда очень сильно, особенно у круглых пряжек. В IV в. они обычны на всей черняховской территории от Донца до Муреша, в Крыму (Инкерман, Совхоз 10, Керчь, Харакс — с монетами IV в.); на Оке, в Башкирии, на Северном Кавказе и Абхазии⁹.

Полихромный стиль последующей эпохи гораздо проще, суше и грубее полихромного стиля античных городов или скифов и сарматов поры их расцвета. Характерно обтягивание серебряных вещей золотой фольгой, довольно нерегулярное размещение выпуклых и плоских красных камней в отдельных гнездах, как бы россыпями, скуное применение зерни и скани. Есть уже и плоские перегородчатые инкрустации, но лишь как дополнение к основным «россыпям»¹⁰. Стиль — довольно однородное целое, его нельзя непосредственно вывести из какой-нибудь одной художественной школы предшествующей поры (рис. 2, 11 — 22, 25, 26, 29, 30; 3, 2 — 4). Признаков его постепенного сложения нет в IV в. нигде (включая Боспор). Он появился как бы сразу в сложившемся виде в первые десятилетия V в. Его центр — на Дунае, где до рубежа IV — V вв. ему предшествовала провинциально-римская культура (последовательность некрополей: Шагвар, Чаквар).

⁸ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 2. СПб., 1889, рис. 134—138; M. Rostovtzeff. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch. Monumentes et memoires publies par l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Fondations E. Piot, 26, Paris, 1923 (Боспор); ОАК, 1894, стр. 37, 38, рис. 40 (Прикубань); ОАК, 1897, рис. 232 (Херсонес); А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, рис. 138, 3, 4; D. Grempler. Der II. und III. Fund von Sackgau. Berlin, 1888, табл. III, 78, 79; B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, рис. 95—99; B. Stjernquist. Simris. Bonn — Lund, 1955, стр. 108—165.

⁹ В. Д. Блаватский. Харакс. МИА, 19, 1965, рис. 10, 7; Е. В. Веймарн. Археологични работи в райони Инкермана. АП, XIII, Київ, 1963, стр. 42 и рис. 9; Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, рис. 13, 2, 6—8; 14, 1—4; МИА, 82, 1960; 116, 1964; 199, 1967; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кышинец, 1967; I. Kovács. Cimetiere de l'époque de la migration des peuples à Marosszentanna. Dolgozatok, III, 2. Kolozsvár, 1942; Gh. Diaconu. Tîrșor. București, 1965 (пряжка из могилы 182 — табл. CLXII, 8 и стр. 91 — выглядит на табл. CXIII, 3, как обычная для IV в.). B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV-lea e.n. în Muntenia. București, 1966.

¹⁰ J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München, 1956, стр. 130, рис. 2, табл. 4, 9, 10, 13, 15—19, 26—29, 40, 50, 52, 53, 59, 61, 64, 69—75; W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunn. Jahrbuch für Altertumskunde, 5, 1—3. Wien, 1911; N. Fettich. Der 2. Schatz von Szilágy — Somlyo. Budapest, 1932; его же. Le découverte de tombes princières hunniques à Szeged — Nagyszéksos. Budapest, 1952, табл. I—V, XII—XVII; A. Abramowicz, K. Dąbrowski, K. Jażdżewski, S. Nosek. Periode des migrations des peuples. Inventaria archaeologica. Łódź, 1959 (Якушвице); Т. М. Милеева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3. Саратов, 1927 (Новогригорьевка, могилы VIII и IX; Нижняя Добрынка); ОАК, 1899, рис. 250; В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, 2, рис. 2—5; А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. ИАК, 17, СПб., 1905; Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. СА, 1966, 3; О. Д. Дашевская. Погребение гуниского времени в Черноморском районе Крыма. МИА, 169, 1969 (Беляус).

Датировка памятников V в. лучше разработана для Дуная. Она наиболее полно изложена И. Вернером. Проверка и некоторое уточнение сделаны мной по фибулам и пряжкам. В сложении стиля сыграли роль традиции ремесла дунайских провинций. Дунайские вещи V в. крупнее и роскошнее аналогичных восточноевропейских, сделаны в более разнообразной ювелирной технике, полнее представлены звенья эволюции фибул (развитие других предметов не выяснено)¹¹. Новая мода затронула только верхушку общества. Плохо изученная культура рядового населения первой половины V в. была, вероятно, во многом близка культуре IV в.: сохранились некоторые формы пряжек, фибул, посуды, стеклянные стаканы с синими налечами. Даже почти все монеты и медальоны из комплексов этой поры — IV в., только в одном керченском склепе была индикация монеты 425—455 гг. Однако это не значит, что памятники V в. можно определять простым расширением даты с IV в. на «IV—V вв.», как поступают некоторые исследователи черняховской культуры.

Пряжки V в. развивают формы IV в., но кольца утолщены спереди не так резко, как в IV в., а хоботковые язычки далеко выступают вперед (рис. 2, 12—16). Для Дуная характерно сильное увеличение размеров вещей, особенно фибул. На язычках пряжек появились звериные головки. На золоте и серебре они имеют заштрихованную вкось переносицу, подчеркнутые надбровные дуги, пасть, прижатые к затылку длинные уши (Керчь: Новиковский склеп 1890 г. в ГИМ, рис. 2, 13 и склеп 154 из раскопок 1904 г. в ГЭ). Более упрощены головки бронзовых пряжек Северного Кавказа и Абхазии: брови и уши слились в длинные выступы, глаза — кружки с точкой, иногда все изображение заменено нарезками (рис. 2, 11, 12). Головки были и на язычках дунайских провинциальных пряжек IV в. (рис. 2, 9, 10), но они лишены всяких деталей, выступы в виде ушей коротки и округлы¹², в СССР они найдены В. В. Кротошкиным на черняховском памятнике. Есть и другие формы вещей V в.: серьги калачиком и с полиэдрической бусой (до специального изучения не удается отличить их от экземпляров VI—VII вв., а для литых полиэдрических — и от VIII—IX вв.); узкие длинные тисненные язычки ремней (рис. 2, 20—22); крестовидные, ромбические и ленточные бляхи от узды (рис. 2, 17, 19); железные удила с утолщенными концами из цветного металла. Только наличие характерных вещей V в. позволяет отнести к этому времени тот или иной комплекс.

В V в., после столетнего перерыва, на Боспоре появилось много богатых могил. Вероятно, при гуннах город несколько оправился от последствий готских нашествий III в. Тогда же возродился уничтоженный готами Танаис: вновь была заселена вся площадь городища, укреплялись и ремонтировались руины, строились новые дома. Там найдены монеты 364—378, 379—383 и 383—388 гг., стекло, амфоры, западная пряжка рубежа IV—V вв.¹³. Это и неудивительно. Кочевники-гунны сеяли разрушения в соседних непокоренных областях на западе. Но в своих владениях они нуждались в ремесленных и торговых центрах, в сохранении покоренного оседлого населения для производства земледельческих продуктов. Действительно, письменные источники говорят о покорении и присоединении к гуннам «скифов». Например, остроготы, «подчиненные власти гуннов, ос-

¹¹ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э.—IV в. н.э. САИ, Д1-30. М., 1966, стр. 86—91.

¹² Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XL, 10, 12, 14; МАК, VIII, М., 1900, табл. CIII, 9, 11; CIV, 18; B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, рис. 95, 20; 103, 141; 114, 257, табл. XCII, 3, 6 (IV в.). (В. Салин); A. Sz. Burger. The Late Roman Cemetery at Ságyár. ААН, XVIII, 1—4. Budapest, 1968, рис. 95, 20; 103, 141; 114, 257; табл. XCII, 3, 6 (IV в.).

¹³ Д. Б. Шелов. Новые данные о Танаисе. Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962, стр. 75; его же. Раскопки северо-восточного участка Танаиса. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 127—129, рис. 61; его же. Танаис и Нижний Дон. Автореф. докт. дис., М., 1968, стр. 53—55.

тались в той же стране», и «готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и соответственно решению гуннов» (Иордан, § 125—127, 130, 246—253). Несомненно, гуннское иго было тяжелым, но местная знать, войдя в союз с кочевниками и участвуя в их грабительских походах (как остроготы и гепиды), нашла новые возможности для обогащения. Этим объясняется богатство подвластной гуннам знати Боспора. Находка в склепе 5 в Инкермане бронзовой монеты Феодосия I (379—395 гг.) показала, что некрополь без изменений функционировал и после гуннского завоевания. В склепе — обильный инвентарь: меч, стекло, посуда, золото, монета и др.¹⁴ В нем еще нет признаков полихромного стиля, что подтверждает его отсутствие в Крыму до первых десятилетий V в.

Обезлюдение в V в. огромных пространств Северного Причерноморья надо связывать не с истреблением населения, а с уводом его основной массы на запад в составе гуннского войска в первых десятилетиях V в., когда центр гуннской державы был перенесен в Среднее Подунавье. Поэтому на изученных до сих пор черняховских памятниках не найдено вещей V в. Одиночные богатые могилы на Украине и в Молдавии (Концешты, Нежин, Ласки, Качин, Круглица) содержат изделия дунайских, а не причерноморских мастеров. Они входят в большую группу одиночных погребений, разбросанных в зоне походов и кочевий гуннов и их союзников от Волги до Нормандии. Это могилы или конных воинов, или знатных женщин германского или потийско-сарматского происхождения (восточные сарматы IV—V вв. не носили двупластинчатых фибул). Знаменитые румынские клады в Шимлеул Сильваней и Петроссе были собственностью знатных семей и зарыты, судя по их стилю, один в середине V в., возможно, в период падения гуннов, другой — во второй половине V в., в эпоху независимого королевства гепидов¹⁵. Они связаны с индивидуальными судьбами людей той кровавой эпохи: опала, гибель на войне и т. д. Для королевских сокровищ (как их часто неправильно называют) они слишком бедны: те измерялись многими десятками повозок (например, имущество дочери франкской королевы VI в. Фредегунды).

На Дунае вторая половина V в., как показали исследователи, — особый этап. Инкрустации перегородчатые с возвышающимися над плоским фоном отдельными выпуклыми вставками (подобно изображенному на рис. 6, 27, 37, 38; Блучина, Петросса, Апахида); часто перегородки имеют полукруглый выступ (рис. 6, 25); характерны четырехлепестковые розетки (рис. 2, 23, 24, 27), окантовка мелкими гранатовыми шариками (рис. 2, 27), вставки в виде валиков (рис. 2, 25); иногда камни вставлены не в напаянные гнезда, а в прорези в поверхности предмета (Петросса). Появилась резная гранчатая орнаментация на пряжках и фибулах (рис. 3, 6, 8). Монеты 433 г. (Каравуково в Югославии) и 480-х годов (Турнез в Бельгии) подтверждают датировку¹⁶. Отдельные вещи (инкрустации, рис. 2, 23, 24; двупластинчатые фибулы варианта П6, рис. 3, 5; маленькие фибулы с трехгранно-выемчатой геометрической резьбой, рис. 3, 6) известны и у нас, но, как правило, из депортированных находок. Однако материалы второй половины V в. в Восточной Европе в основном иного облика, чем на западе.

В VI в. появились боспорские пальчатые фибулы и резные пряжки (рис. 3, 12—14), судя по аналогиям в древностях остроготов Италии и

¹⁴ Е. В. Веймарн. Археологічні роботи, стр. 37 и 42.

¹⁵ А. К. Амброс. Фибулы..., стр. 88—91.

¹⁶ J. Werner. Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935, стр. 30—34; его же. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts. SA, VII, 2. Bratislava, 1959; его же. Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln — Severinstor. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 3. Köln, 1958; его же. Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterharmweg in Basel. Helvetia antiqua. Zürich, 1966; K. Tihelka. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny. PA, LIV, 2. Praha, 1963.

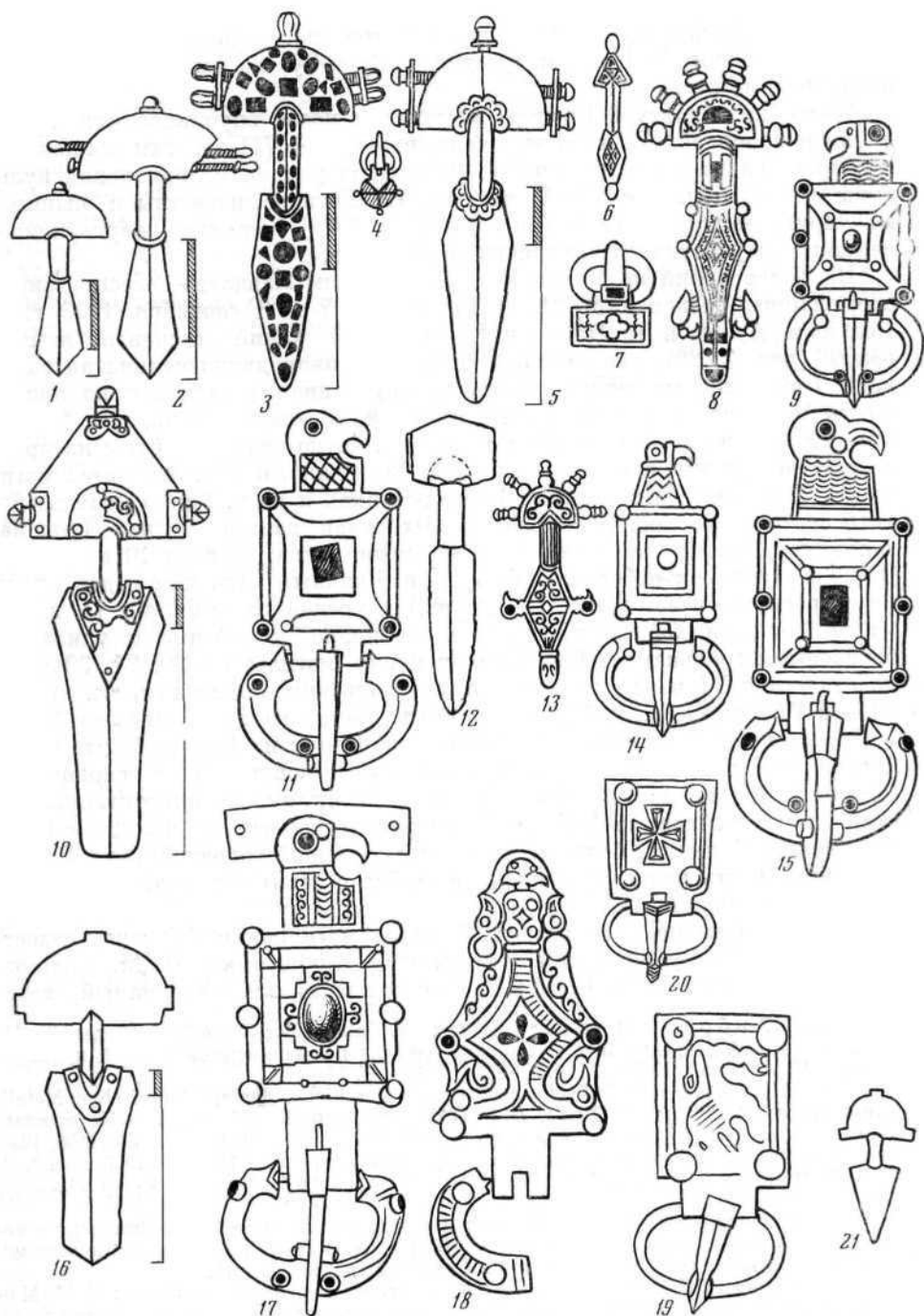

Рис. 3. Эволюция украшений Крыма и Подунавья в IV—VII вв.

1—IV в.; 2—4 — первая половина V в.;
5—8 — вторая половина V в.; 9—VI в.;
10 — вторая половина VI и первая половина
VII в.; 11 — вторая половина VI в.; 12—
14 — вторая половина VI и VII в.; 15 —
рубеж VI и VII в.; 16, 19, 20 — первая по-
ловина VII в.; 17, 18 — VII в.; 21 — вторая
половина VII в.; 1, 7 — Украина; 2 — Козь-

минка, Польша; 3, 4 — Унтерзибенбрунн,
Австрия; 5 — фибула, дунайского типа из
Борков (Рязань, сборы В. И. Зубкова); 6 —
Карнунтум, Австрия; 8 — Венгрия; 9 —
Керчь (привозная с территории Румынии);
10, 11, 15—19, 21 — Суук-Су; 12—14 — Керчь;
20 — Чуфут-Кале

гепидов на Дунае. Но частое наличие в тех же боспорских комплексах поясных наборов VII в. (см. раздел о Суук-Су) заставляет расширить их бытование на весь VII в.¹⁷

Подробнее культура Боспора предстанет после опубликования и изучения некрополей. Но и сейчас ясно, что в VI—VII вв. там концентрировалось значительное население. Признаков упадка материальной культуры по сравнению с IV—V вв. нет. На Боспоре известны и пышные ювелирные изделия VII в. (рис. 6, 30, 31, 33)¹⁸, вероятно, варваризированная переработка византийских прототипов.

Наиболее яркий памятник V в. на Северном Кавказе — «бескурганное погребение», раскопанное М. И. Ермоленко 7 и 8 сентября 1923 г. за Вольным Аулом в г. Нальчик¹⁹. Типичный узкий тисненый язычок ремня (рис. 2, 20), две местные фибулы: тонкая двупластинчатая варианта I-аб (или маленькая II-а?) и двучленная с завитком на конце; шесть хоботковых пряжек (три с крупной вставкой стекла, рис. 2, 15), кусочек желтоватого стеклянного стакана, четко граненые бусы из ярковышнегового и темно-желтого сердолика. Возможно, к V в. относится могила 4 в Тамгацке. Могильники Байтал-Чапкан и на р. Гиляч использовались несколько веков. В каждом из них самая ранняя могила (родоначальника?) лежит на верхней точке могильника: могила 10 в Байтал-Чапкане (обломок небольшой фибулы с S-видным завитком и две пряжки с прогнутыми язычками, II—III вв.) и могила 18 на Гиляче (V в., судя по большой хоботковой пряжке на плане погребения и удилам с бронзовыми головками). Байтал-чапканские могилы 17, 20, 24, 30 можно отнести к VI в. (не раньше, по приуральским аналогиям, см. ниже), 29 — к VI или VII в., 9, 14, 23 — к VII в., почти все гиляцкие — к VII в. В Дагестане к V в. может относиться курган 2 из Паласа-Сырта²⁰. На Северном Кавказе преобладают беспаспортные вещи V в., в основном из Северной Осетии и Кабардино-Балкарии²¹: типичные инкрустации, местные двупластинчатые фибулы II подгруппы, хоботковые пряжки с большой вставкой стекла, большие пряжки с звериной головкой (рис. 2, 12), возможно, часть подвижных фибул и фибул с завитком и надставленными концами пружины²².

Особое значение приобретают большие могильники Абхазии, известные автору по публикациям и любезным сообщениям М. М. Трапша, Ю. Н. Воронова и Г. К. Шамбы²³. Они содержат многочисленный, хоро-

¹⁷ А. К. Амброс. Рец. на кн.: J. Werner, Katalog der Sammlung Diergardt. CA, 1966, 4, стр. 213, 214; его же. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.). КСИА АН СССР, 113, 1968, стр. 14—17.

¹⁸ N. Fettich. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Budapest, 1951, табл. XLVI. 1—7; ОАК, 1891, стр. 59—61, рис. 38—40; простые пояса VII в.: В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, 58, 1955, рис. 32; О. И. Бич. Первые раскопки некрополя Пантикапея. МИА, 69, 1959, рис. 2, А, 3, Р, Q, О (кург. 1, склепы 7 и 17); М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 60, рисунк.

¹⁹ Нальчикский музей, № 2525, вещи нашиты на планшет М. И. Ермоленко, подробная опись — в книге поступлений за 1923 г., № 268—287; недавно типичные могилы V в. раскопаны М. П. Абрамовой в Северной Осетии (Брут).

²⁰ Материалы ГИМ, Нальчикского и Черкесского музеев. Публикации: Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, 2—3. Ставрополь, 1960, ее же. Археологические памятники р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951; ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956; Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 10, 1; 11, 2 (Тамгацк); В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 148—156, табл. XIII.

²¹ ОАК, 1897, рис. 176 (Чегем); МАК, VIII, табл. СIII, 9, II; CIV, 18 (Рутха); И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, 3, СПб., 1890, рис. 180.

²² А. К. Амброс. Фибулы..., табл. 6, 3—4; 10, 7—9.

²³ М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963; Г. К. Шамба. Фибулы из некрополя Ахачтархва. Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969; Ю. Н. Воронов,

по подающийся корреляции материал, показывающий связи с Боспором, Северным Кавказом и Закавказьем и происходящий из индивидуальных погребений с обильным инвентарем. Представлены мужские погребения (с мечом, длинным боевым ножом, умбоном и ручкой щита, двумя копьями, топором, стрелами, амфорой, стеклянным кубком, большой пряжкой, одной фибулой, бусиной-привеской к мечу) и женские (по три-шесть фибул, почти всегда разных вариантов, серьги, браслеты, бусы, мелкие пряжки, двуспиральные привески, мотыки). Уточнение хронологии Боспора позволяет выделить в Абхазии ряд этапов (табл. I) ²⁴.

Абхазские могилы II—III вв. содержат северопричерноморские лучковые подвижные фибулы одночленные 4-го варианта I серии (рис. 4, 1) и римские монеты ²⁵. В Западной Грузии — это эпоха памятников типа Кладети, с местными дуговидными подвижными фибулами. Их более поздний одночленный вариант из могилы 37 в Абгызрахва (рис. 4, 2—3), возможно, относится ко второй половине III в. (подобные же, по сообщению Ю. Н. Воронова, найдены им и в могилах IV в.). Могилы IV в. (2-й этап) — с небольшими хоботковыми пряжками, местными двучленными лучковыми подвижными фибулами 3-го варианта IV серии 15-й группы (рис. 4, 4) и стеклянными сосудами с синими налечами (на Дунае и в Крыму — IV в.). На Северном Кавказе II—III вв. — время северопричерноморских фибул и пряжек, в IV в. и там появились массивные хоботковые пряжки и прогнутые подвижные фибулы.

Для 3-го этапа характерны местные дуговидные двучленные фибулы с фигурной обмоткой (рис. 4, 5) и прогнутые подвижные: «лебяжьи» с овальной спинкой (рис. 4, 9) и проволочные (рис. 4, 6—8), серьги с гирьками, стаканы с синими налечами, известные не только в IV в., но и в гуннскую эпоху (Танаис, Синявка, Керчь, Унтрайбенбрунн). Прогнутые подвижные фибулы распространились на Юге СССР из черняховской культуры. На Боспоре есть лишь черняховские и местные варианты IV в. На Северном Кавказе они беспаспортны, но типологически еще дальше от черняховских (с широким кольцом для оси пружины) и явно сделаны на месте. Поэтому их можно предположительно датировать со второй половины IV в. Появление их в Абхазии связано с северокавказским влиянием (судя по «лебяжьим» фибулам), следовательно, дата несколько позднее: видимо, ее надо расширить на всю половину V в. Находки С. Ф. Стржелецкого у Совхоза 10 в Крыму заполняют пробел в хронологии «лебяжьих» фибул, позволяя отнести двучленные лучковые к IV в. (с монетами IV в. в могилах 81 и 154, одна фибула деформирована) и наиболее поздние одночленные — к III в. (с монетой середины III в. в могиле 47). Следовательно, прогнутые появились в конце IV—V вв.; их поздний вариант дожил на Северном Кавказе до VII в. (Пашковская I), в Абхазии они не пережили V в.

4-й этап по его месту в общей системе должен занять вторую половину V и первую половину VI в. Украшения: большие пряжки с звериными головками (рис. 2, 11), крестовидные фибулы с круглой в сечении дужкой (рис. 4, 10), сохранились серьги с гирькой и большие дуговидные двучленные фибулы с фигурной обмоткой (рис. 4, 5). Наряду с амфорами с нерезким перехватом туловища и валиком посередине почти вертикального венчика появились амфоры с более резким перехватом, сужающиеся книзу, с воронкообразным венчиком, бытовавшие до VII в. На позднем отрезке этапа есть крестовидные фибулы полукруглого сече-

А. С. Вознюк, В. А. Юшин. Апуштинский могильник IV—VI вв. н.э. в Абхазии. СА, 1970, 1; Г. К. Шамба. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.

²⁴ А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 54, 55, 57. Изучение некрополей Суук-Су, Приуралья и Оки заставляет сдвинуть некоторые предложенные мной в 1966 г. даты примерно на 50 лет позднее.

²⁵ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта, стр. 59, 64, табл. XL, 34, 35; XLI, 1; Г. К. Шамба. Ахаччарху, табл. VI.

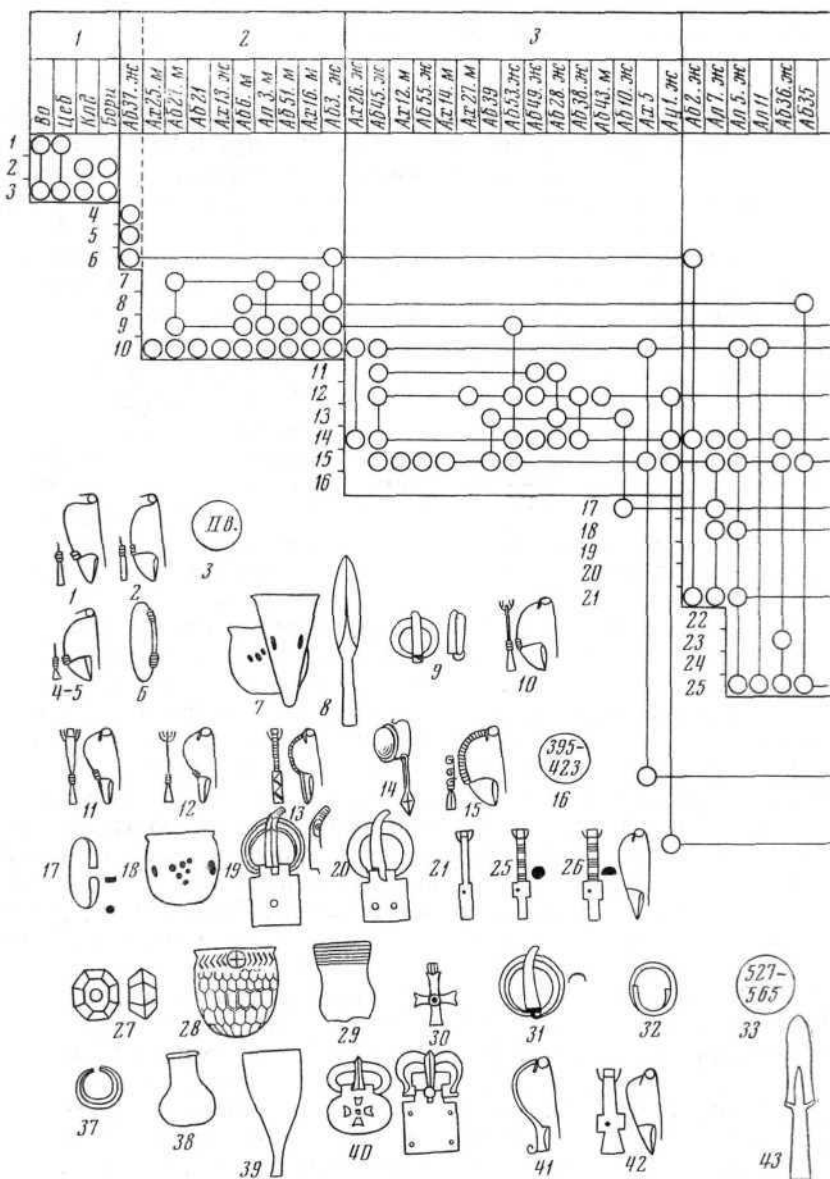

Таблица I. Эволюция могильников Абхазии III—VII вв.

По горизонтали помещены номера погребений и этапов, по вертикали — номера вещей. Схемы типов вещей нарисованы в разном масштабе. Сокращения: Во — сборки Ю. Н. Воронова в Цебельде; Клд. — Клеети; Аб — Абгызарахва; Ах — Ахачарахва; Ал — Алрахва; Ау — Аухвамахва; Ач — Ахаччарахва; Ар — Арахва (пять пунктов — по материалам М. М. Трапша); Г — Гагры; Ве — Веселое; Ап. — Алушта; муж. — мужское погребение; жен. — женское (по инвентарю). 1 — причерноморские фибулы типа рис. 4, 1; 2 — подвижные фибулы типа Клеети; 3 — монеты II в.; 4,

5 — одночленные дуговидные фибулы типа изображенных на рис. 4, 2 (№ 4) и рис. 4, 3 (№ 5); 6 — завязанные браслеты; 7 — стеклянные сосуды с синими налпами; 8 — лавролистный копья; 9 — простые хоботовые пряжки; 10 — фибулы; рис. 4, 4; 11 — фибулы, рис. 4, 9; 12 — фибулы, рис. 4, 6 и 7; 13 — фибулы, рис. 4, 8; 14 — серьги с гирькой; 15 — фибулы, рис. 4, 5; 16 — монета 395—423 гг.; 17 — браслет с уплощенными концами; 18 — стеклянные сосуды с синими налпами (не идентичны № 8, но до детального изучения охарактеризовать трудно); 19 — большие пряжки, рис. 2, 11;

ния (рис. 4, 11). Некоторое запаздывание пряжек в традициях V в. и их широкое бытование в VI в. до появления полых поясных наборов VII в. (см. о Суук-Су) характерно и для Приуралья и Поволжья.

5-й этап — вторая половина VI в. Типичны крестовидные фибулы с плоским ленточным корпусом равномерной ширины (рис. 4, 12), стеклянные сосуды со шлифованными крестами, большие граненые хрустальные бусы, как в Суук-Су (могилы 46 и 56 — второй половины VI в., 59, 67 — первой половины VII в., 86 — второй половины VII в.) и в Пашковском I могильнике (VII в.). Большие пряжки продолжают традиции V в., но часть их — полые снизу (Абгыздрахва, 44). Христианские крестики из женских могил в Абгыздрахва (погр. 15) и Гаграх можно сопоставить с синхронными сведениями Прокопия о христианстве у абазгов и апсидов.

Могилы с вещами VII в. — 6 и 7 этапов. Из них 6-й этап надо отнести к первой половине VII в. Украшения: крестовидные фибулы с треугольно расплюсченной ножкой, подвязка приклепана к нижней трети корпуса; калачиковые и простые проволочные серьги; хрустальные бусы; полая В-образная пряжка (рис. 6, 6); северокавказская фибула с завитком (типа рис. 15, 1—2). Восточногрузинские стеклянный бальзамарий и обломок серьги (Абгыздрахва, 40), имеющие аналогии того же времени в Мухете. 7-й этап — вторая половина VII в. В отличие от крестовидных фибул 6-го этапа заклепка помещена на середине корпуса. Полые пряжки с намечающимися чертами «вычурного» стиля (рис. 6, 5—7; о стиле см. ниже) — второй половины VII в.; детали поясных наборов — типа изображенных на рис. 5. Пластика с характерными для VII в. прорезями в виде запятых (рис. 4, 16; ср. рис. 5, 51). Копья с широким концом острия (с. Веселое)²⁶. Три золотые монеты Юстиниана (527—565 гг.) — в одной могиле с пряжками (рис. 6, 5, 8). Найдена инкрустированная пряжка (рис. 6, 4).

Вторая половина VI и VII в. наиболее ярко представлена в «эталонных» для этой эпохи памятниках типа Суук-Су в Юго-Западном Крыму²⁷. Так называемый нижний слой могильника Суук-Су принято датировать второй половиной VI в. и первой половиной VII в. В. К. Пудовин делил его на два этапа: 1 — с большими пряжками и фибулами; 2 — с некоторыми маленькими пряжками, отнесенными Д. Чалланем к VII в.²⁸. «Верхний слой» (с захоронениями преимущественно в каменных гробницах) специально не изучался. Н. И. Репников считал его «едва ли позднее IX—XI вв.», И. Вернер и Д. Чаллань относят византийские пряжки типа Коринф (рис. 7, 13), характерные для этого слоя, ко второй половине VII в.²⁹

Различия в инвентаре и погребальном обряде позволяют выделить в могильниках Юго-Западного Крыма шесть этапов (табл. II). Для этапа I

²⁶ Мало известная могила второй половины VII в. в с. Веселом (рис. 6, 7): ОАК, 1904, стр. 130; А. А. Спицын. Могильник V в. в Причерноморье. ИАК, 23, СПб., 1907 (Веселое и Гагры); А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, 33, СПб., 1907, стр. 83, рис. 22, 3, 11, 17; 23, 3. В 1904 г. найдены две фибулы, при исследовании в 1907 г. — пряжки (одна изображена на рис. 6, 7), меч, копье, нож и трехгранная стрела. Кости не найдены (сожжение?).

²⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники, ч. I и II (Суук-Су, Артек, Коренз, Бал-Гота); его же. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 105—119 (Суук-Су, могилы 189—200; Узень-Баш); его же. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, 12, 1—8, 1932; Е. В. Веймарн. Могильник біля висоти Сахарна голівка. АП, XIII 1963; В. В. Кротова. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965; Е. В. Веймарн. А. П. Смирнов. Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое (склеп 307). КСИА АН СССР, 100, 1965.

²⁸ В. К. Пудовин. Датировка..., стр. 183, 184.

²⁹ J. Wernier. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1. Köln, 1955; Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства: I — Acta antiqua, II, 3—4. Budapest, 1954; II — Acta antiqua, IV, 1—4. Budapest, 1956.

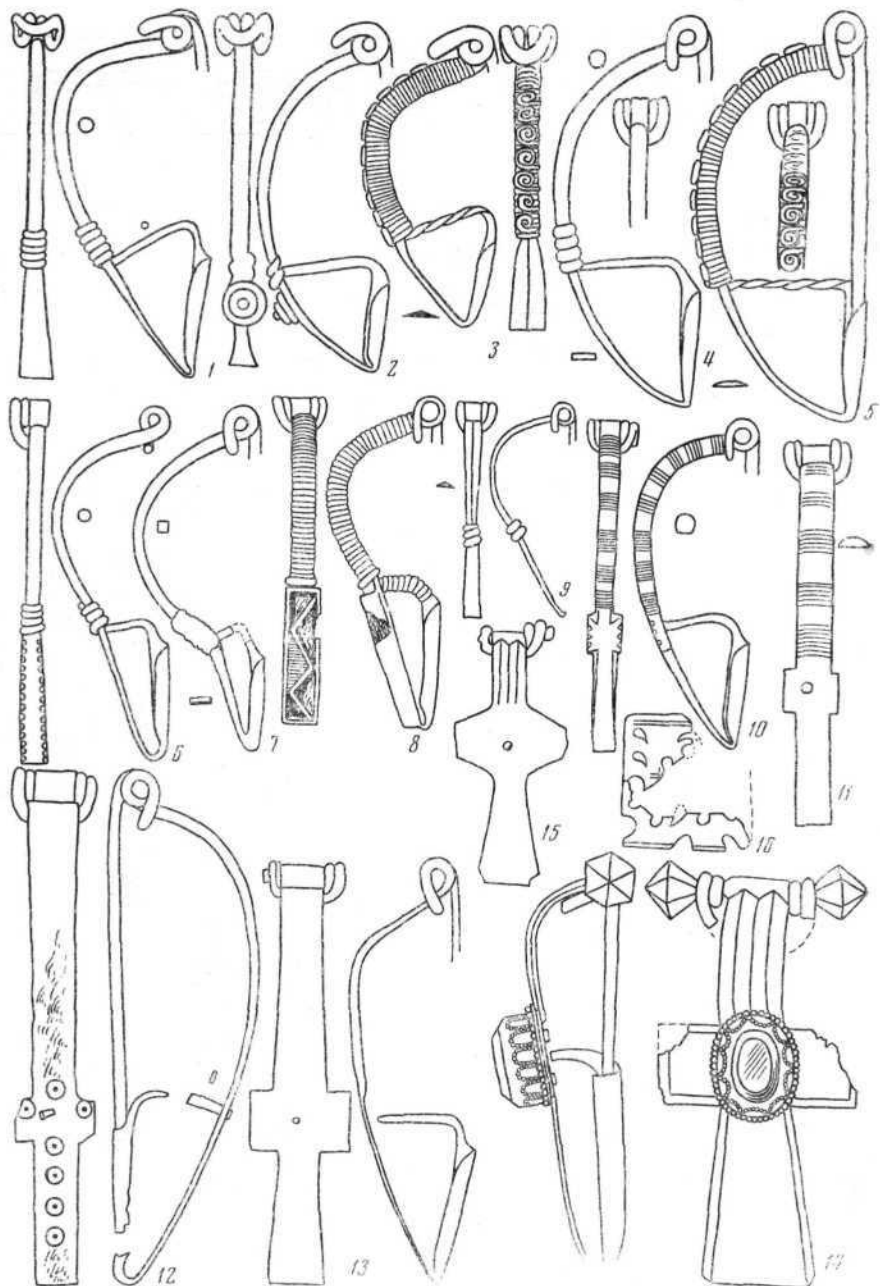

Рис. 4. Фибулы Абхазии II—VII вв.

1 — вторая половина II в.; 2, 3 — вторая половина III в.; 4 — IV в.; 5 — V в.; 6—9 — первая половина V в.; 10 — вторая половина V — первая половина VI в.; 11 — первая половина VI в.; 12 — вторая половина VI в.; 13 — первая половина VII в.; 14—16 — вторая половина VII в.; 1, 6, 12 — Цебельда

(по Ю. Н. Воронову); 2—5, 7—12 — Абхыд-зрахва (по М. М. Трапшу; 2, 3 — погр. 37; 4 — погр. 6; 5, 10 — погр. 31; 7 — погр. 45; 8 — погр. 39; 9 — погр. 49); 11 — Цебельда (ГИМ); 13 — Азрахва I, погр. 6 (по М. М. Трапшу); 14 — Веселое; 15, 16 — Апушта, погр. 6 (по Ю. Н. Воронову)

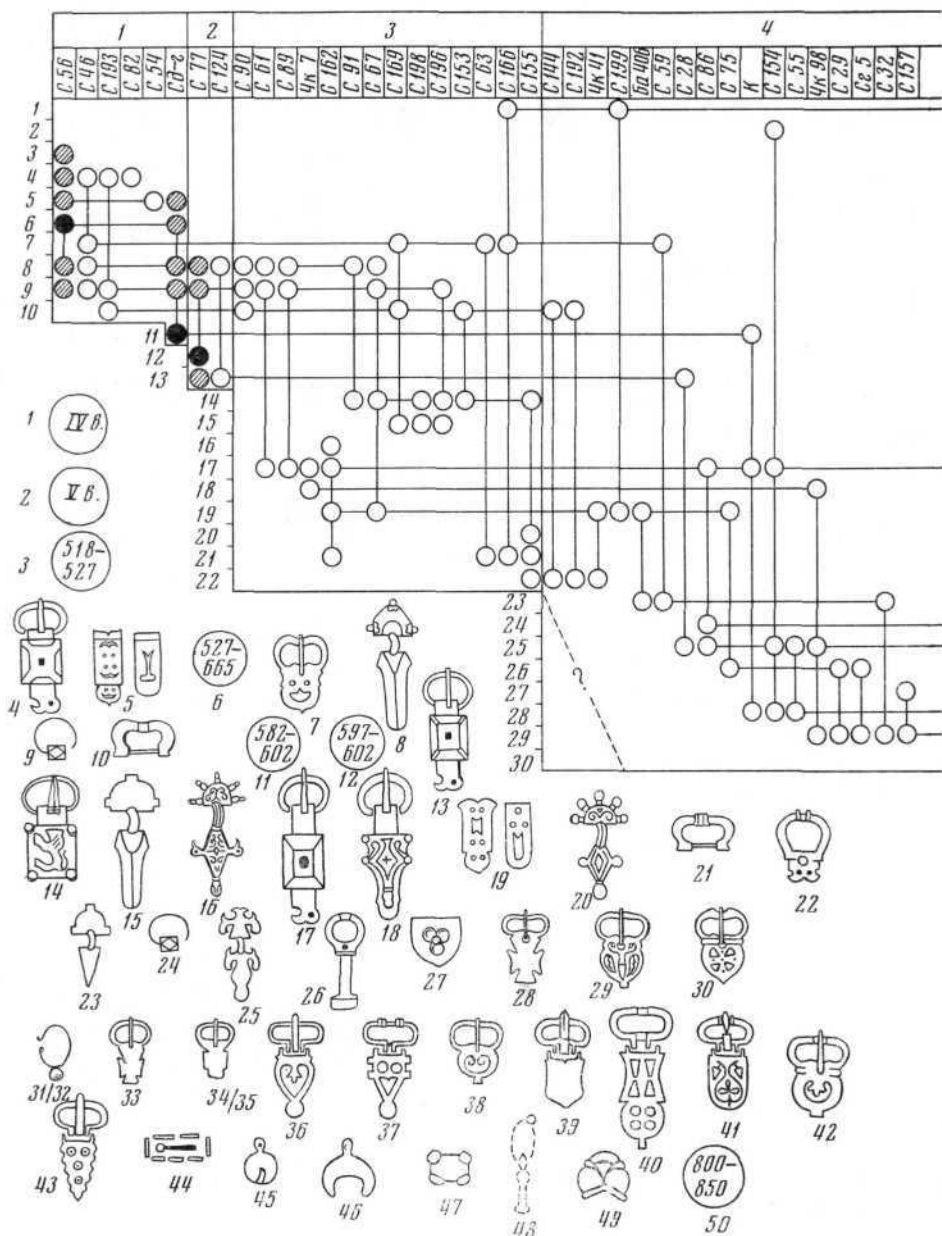
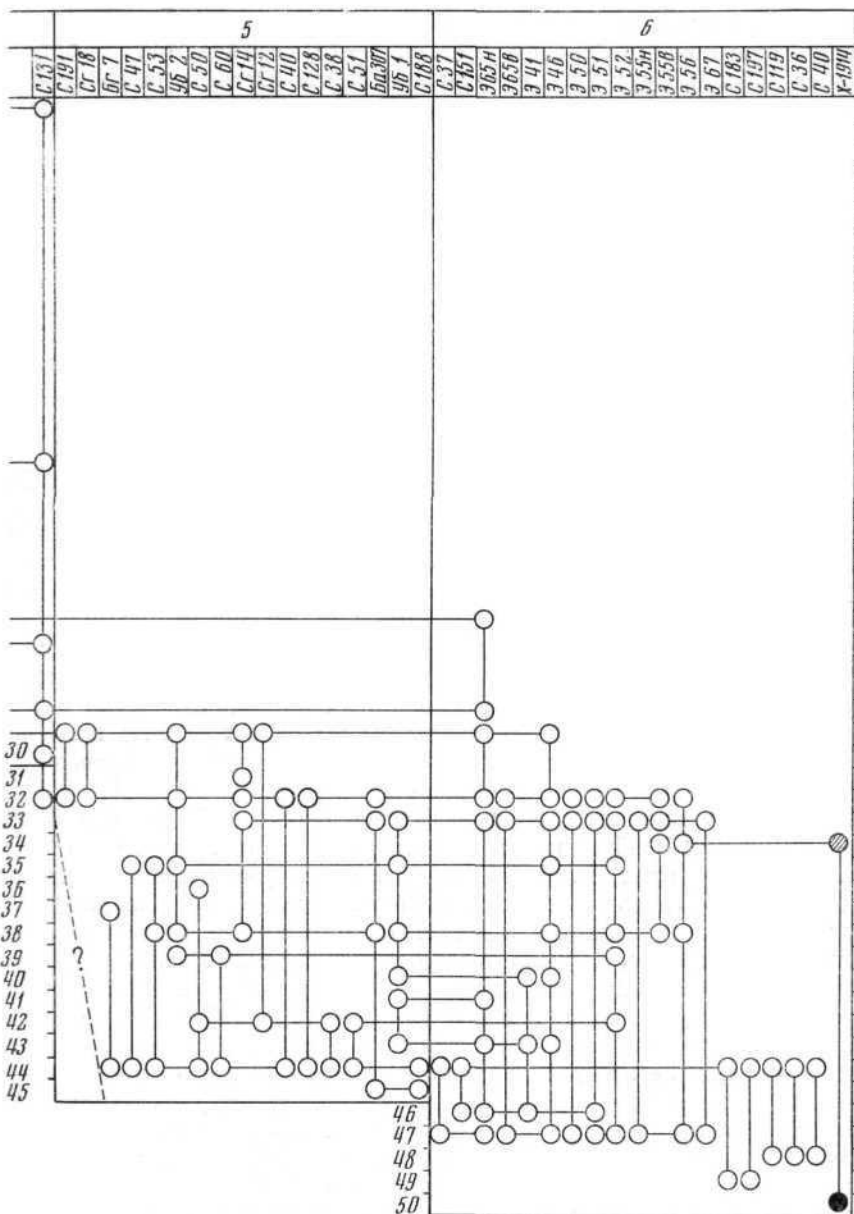

Таблица II. Эволюция могильников юго-западного Крыма второй половины VI—IX вв.

По горизонтали помещены номера погребений и этапов; по вертикали — номера вещей. Сокращения: С — Суук-Су; Сд — Садовец (Болгария); Чк — Чуфут-Кале; Ба — Бахла; К — Кореиз; Сг — Сахарная головка; Бг — Бал-Гота; Уб — Узень-Баш; Э — Эски-Кермен; Х — Херсонес. Схемы типов вещей нарисованы в разном масштабе. 1 — монета IV в.; 2 — монета V в.; 3 — монета 518—527 гг.; 4 — орлиноголовая пряжка I варианта (рис. 3, 11); 5 — поясной набор I группы (рис. 5, 4—17); 6 — монета 527—565 гг.; 7 — полные пряжки с нешироким В-образным кольцом; 8 — большие фибулы

с накладками, рис. 3, 10; 9 — золотые полиадрические серьги; 10 — В-образные пряжки; 11 — монета 582—602 гг.; 12 — монета 597—602 гг.; 13 — орлиноголовая пряжка II варианта (рис. 3, 15); 14 — большие пряжки со львом (рис. 3, 19); 15 — большие двухпластинчатые фибулы с выступами (рис. 3, 16); 16 — боспорские пальчатые фибулы (рис. 3, 13); 17 — орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, 17); 18 — ромбические пряжки с длинными петлями для кольца (рис. 3, 18); 19 — поясной набор II группы; 20 — боспорские пальчатые фибулы с ромбической ножкой; 21 — пряжки со слабо

выдвинутыми «губами»; 22 — лировидные пряжки; 23 — маленькие двупластинчатые фибулы (рис. 3, 21); 24 — бронзовые поли-адрические серьги; 25 — дисковские пальчатые и зооморфные фибулы; 26 — пряжка для сумки с обоймой для ремня; 27 — язычки пояса с тремя выемками (рис. 5, 42); 28 — крестовидные пряжки I варианта (рис. 7, 5); 29 — пряжки типа Сиракузы (рис. 7, 2); 30 — сумочные пряжки с крестом (рис. 7, 3, 4); 31 — серьги с крючком (рис. 8, 18—23); 32 — серьги с малой подвеской (рис. 8, 18—23, 25); 33—35 — крестовидные пряжки (33 — вариант II, 34 — III, 35 — IV; рис.

7, 6—8); 36 — пряжки типа Бал-Гота, вариант II (рис. 7, 12); 37 — пряжки типа Коринф (рис. 7, 13); 38 — «сумочные» пряжки с волжатами (рис. 7, 14); 39—41 — U-образные пряжки (39 — с угловатым шитком, рис. 7, 22; 40 — с диском, рис. 7, 18; 41 — с растительным трилистным орнаментом, рис. 7, 19—22); 42 — «сумочные» пряжки с прорезями (рис. 7, 15—17); 43 — фестончатые пряжки; 44 — каменная гробница; 45 — бубенчик с прорезью; 46 — пастовая лунница; 47 — салтовские бусы; 48 — салтовские серьги с подвеской; 49 — бляшки салтовского пояса; 50 — монета 800—850 гг.

характерны большие орлиноголовые пряжки I варианта (рис. 3, 11); геральдические поясные наборы (рис. 5, 4—17) отличаются от остальных поясных наборов Суук-Су. Две медные монеты Юстиниана (527—565 гг.) из могилы 56 датируют этап второй половиной VI в. О том же говорит типологическая связь ранних больших пряжек (рис. 3, 11) с гепидскими пряжками первой половины VI в. (рис. 3, 9)³⁰. Близкие, но более развитые детали поясов (рис. 5, 19—24) найдены в Болгарии в византийской крепости Садовско-Кале, разрушенной на рубеже VI—VII вв. (последние монеты из слоя пожара — 582—602 гг.).³¹

Этап II (с орлиноголовыми пряжками II варианта, рис. 3, 5) датирован рубежом VI—VII вв. или началом VII в. по бронзовой монете 597—602 гг. из погребения 77. На этапе III распространены орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, 17), большие пряжки с изображением льва (рис. 3, 19), ромбические пряжки со схематизированными изображениями зверей (рис. 3, 18) и очень длинными петлями для скрепления обоймы с кольцом пряжки (как у III варианта орлиноголовых пряжек). Поясные наборы чуть грубее по форме, но, главное, отличаются декором (прорези в виде «зерна фасоли», запытой, замочной скважины, восьмерки, U-образные, рис. 5, 26, 36, 46, 50—59, 65). Для этапов I—III характерны большие двухпластинчатые фибулы варианта II-в с декоративными накладками у кнопок на головке (рис. 3, 10) и золотые серьги с инкрустированной полиэдрической бусиной. В течение этапа III такие фибулы постепенно исчезают; их относительно поздний вариант — большие фибулы с тремя выступами вместо кнопок (рис. 3, 16). Полиэдрические серьги имеют датирующее значение лишь для раскопанных комплексов типа Суук-Су. В других местах их разные варианты бытовали в V—VIII вв. В-образные пряжки есть на этапах I—III, но в Венгрии и в Поднепровье они изготовлялись долго, до этапа псевдопряжек.

На этапе IV сменились многие формы украшений. Вместо больших двухпластинчатых фибул появились маленькие, с треугольной ножкой (рис. 3, 21). Вероятно, отказом от старых форм фибул объясняется и массовое появление здесь ранних пальчатых и зооморфных фибул днепровских типов. Как правильно отметил А. Л. Якобсон, их не меньше, чем на Днепре (где, впрочем, не было массовых раскопок могильников), но за их чужеродность в Крыму говорит объединение в пары разнородных экземпляров (в Крыму большие местные фибулы VI—VII вв. всегда пары), а также отсутствие здесь многих вариантов, особенно более поздних. На Днепре их развитие продолжалось и в VIII в. Пряжки с петлей для конца ремня³² и пояс с тройными выемками на бляшках (рис. 5, 42)³³ имеют аналогию в аварских древностях Венгрии. Характерны крестовидные пряжки I варианта (рис. 7, 5). В Суук-Су первые изображения христианских крестов появились на них, на «сумочных» прорезных пряжках (рис. 7, 4) и на больших тисненых пряжках (рис. 3, 20). Часты византийские пряжки типа Сиракузы (рис. 7, 2), нередкие и в следующем этапе V.

На этапе V в Суук-Су и Бал-Готе преобладают сложенные из каменных плит гробницы, часто с коллективными захоронениями, в Узень-Ба-

³⁰ А. К. Амброс. Дунайские элементы, стр. 14, 16—20; связь дунайских пряжек с гепидами подтверждается и новыми данными: Z. Vinski. Adlerschnallenfunde in Jugoslawien. Liber Iosepho Kostrzewski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, стр. 317, 318, 321—323, 325.

³¹ I. Welkóv. Eine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien). «Germania», 19, 2. Berlin, 1935, стр. 157, 158, табл. 19, 2; H. Vettors. Dacia Ripensis. Schriften der Balkankommission. Antiquarische Abteilung. XI, Wien, 1950, стр. 56, 57.

³² S. Uenze. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh. Bayerische Vorgeschichts-Blätter, 31, 1—2. München, 1966, стр. 142—146.

³³ N. Fettich. Die Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926, табл. IV, 7—13 (Фельняк); Istoria României, I. București, 1960; стр. 721, рис. 180, 1—4 (Сынпетрул Жерман, с монетой 610—641 гг.)

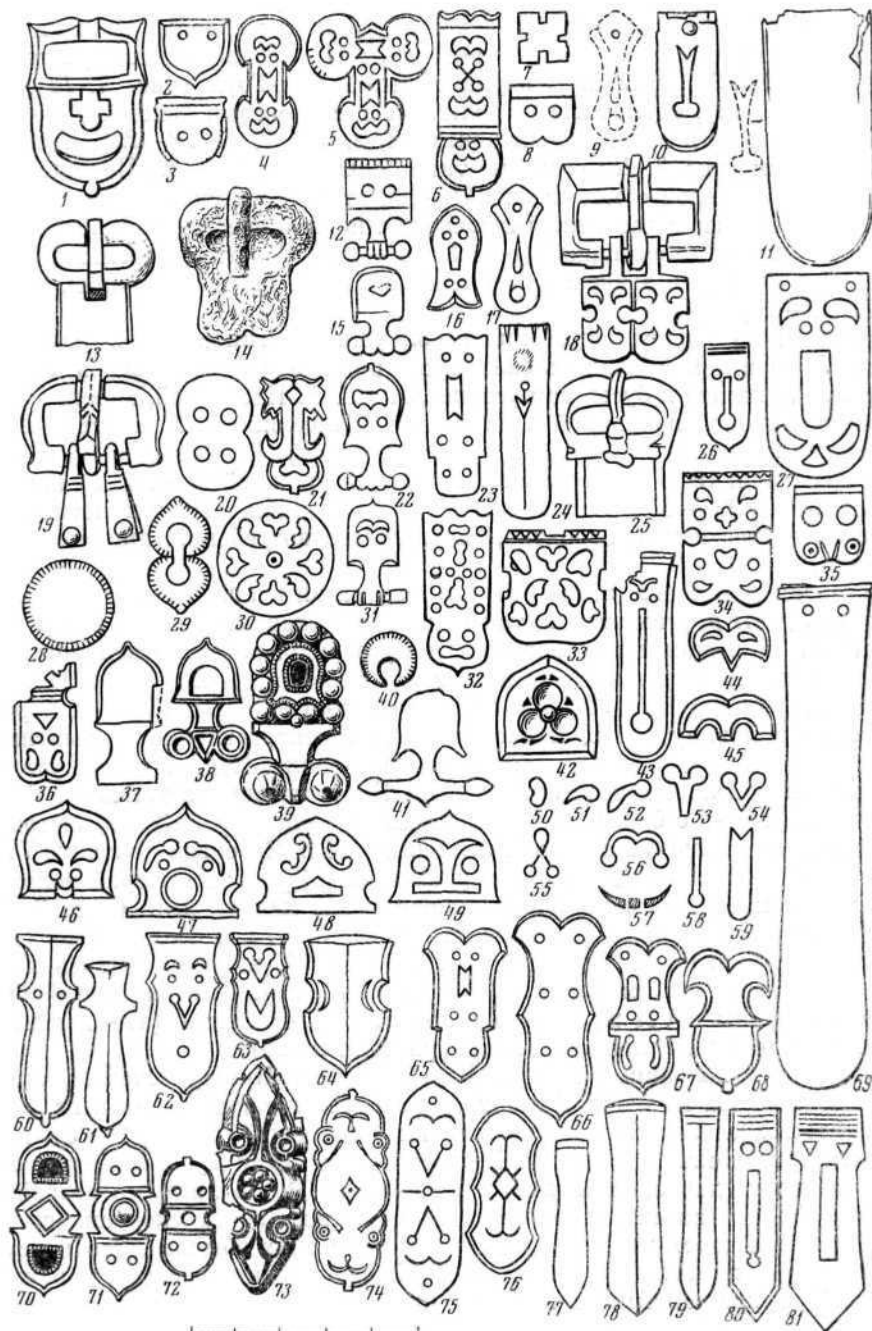

Рис. 5. Украшения поясов VI—VIII вв.

1—17, 19—24 — вторая половина VI в.; 18, 25, 26, 28—37, 40, 42—44, 46, 47, 50—60, 62, 63, 65—67, 69, 71, 72—VII в.; 27, 38, 39, 70, 74—76 — вторая половина VII в.; 41, 45, 48, 49, 61, 64, 68, 73, 77—81 — VIII в. 1—3 — Большой Токмак, погр. I; 4—17, 36, 42, 46, 65 — Суук-Су (4—12 — погр. 54; 13—17 — погр. 56; 36, 46, 65 — погр. 67; 42 — погр. 157); 18, 25, 27, 29—35 — Пятра Фрекцей, Румыния, могила; 19—24 — Садовско-Кале, Болгария, крепость; 26, 28, 37, 38, 40, 43, 44,

47, 62, 63, 66, 67, 69, 71, 77—79 — Чми (26, 38, 40, 63, 71 — мог. XI; 28, 37, 44, 47, 62, 66 — мог. XVII; 43, 67, 69 — мог. XII; 77 — мог. VII; 78, 79 — мог. XXIII); 30 — Перещепино; 41, 45, 48, 49, 61, 68 — Неволино (41 — погр. 13; 45, 48 — погр. 71; 48 — погр. 79; 49 — погр. 65; 61 — погр. 57; 68 — погр. 41); 60 — Тызыл, погр. 1928 г.; 64 — Кудыргэ, мог. 4; 70 — Белозерка, кург. 14; 72, 74—76 — Мартыновка, клад; 73 — Камунта; 80, 81 — Деменки, погр. 9

ше, Эски-Кермене и Сахарной головке сохраняются склепы. Пряжки сделаны под сильным византийским влиянием: II — IV варианты крестовидных (рис. 7, 6, 7), пряжки II варианта типа Бал-Гота (рис. 7, 12), Коринф (рис. 7, 13), «сумочные» с волютами и с прорезью (рис. 7, 14 — 16), U-образные (часть с рельефным орнаментом, рис. 7, 17, 19 — 22), U-образные с диском (рис. 7, 18; развитие типа большой пряжки из Перещепина, рис. 7, 1, найденной с монетами 641—668 гг. в комплексе рубежа VII — VIII вв.). Серьги с застежкой-крючком, многие с небольшой подвеской: гирькой, шаром, пирамидкой (рис. 8, 18 — 23). Серьги с небольшой подвеской типичны для аварских памятников VIII в. (II и III группы, рис. 8, 10, 11, 14 — 17) ³⁴.

Этап VI по обряду погребения и большинству типов вещей близок к этапу V, но в нем появились салтовские пряжки, бляшки поясов, серьги, пастовые луницы и бусы, как установлено С. А. Плетневой, хорошо датированные второй половиной VIII и первой половиной IX в. (типа изображенных на рис. 8, 27 — 31, 33, 42, 12, 33, 34, 52). В Херсонесской могиле 18 из раскопок 1914 г. вместе с крестовидной пряжкой (рис. 7, 8) находилась монета 800 — 850 гг. ³⁵. К этапам V и VI принадлежат христианские нательные крестики и, вероятно, большинство погребений, лишенных инвентаря.

Твердая датировка этапа VI (по салтовским аналогиям) позволяет уточнить даты других этапов, так как между этапами I — VI нет резких граней ни по вещам, ни по погребальному обряду: развитие непрерывно и постепенно. «Досалтовский» этап V падает на первую половину VIII в.; II, по монете, — на рубеж VI—VII вв., следовательно, III и IV — на первую и вторую половину VII в. Проводимое ниже сопоставление с памятниками других областей подтверждает эти определения. Как следствие уточняются даты отдельных категорий вещей. Большие двупластинчатые фибулы варианта II-в с боковыми накладками у кнопок (рис. 3, 10) бытовали во второй половине VI и первой половине VII в. В первой половине VII в. появились большие фибулы с выступами (рис. 3, 16); во второй половине VII в. они исчезли, сменившись упрощенными маленькими (рис. 3, 21). Орлиноголовые пряжки III варианта (рис. 3, 17) и В-образные (типа рис. 5, 13 и 6, 6) бытовали почти весь VII в. В VII в. изготовлялись тисненые пряжки с крестом или львом (рис. 3, 19, 20). Днепровские фибулы распространены в VII в., больше в его второй половине (это подтверждают комплексы Поднепровья и Венгрии, см. ниже).

Во второй половине VII в. в Юго-Западном Крыму исчезает старая варварская мода на очень большие украшения готских типов (рис. 3, 10, 18), зато возрастает число византийских украшений (рис. 7, 2 — 5), появляются христианские символы. Крымские готы были православными христианами уже давно, возможно, с III — IV вв. ³⁶ Но лишь со второй половины VII в. византийское влияние настолько здесь укоренилось, что повело к некоторому изменению старых языческих обычаев. Это и неудивительно: и христиане-франки VI — VII вв. хоронили еще с оружием, посудой и украшениями, а в 539 г. «принесли в жертву» «как начатки войны» захваченных жен и детей гóтов, ибо, «будучи христианами, сохранили многое из своих прежних верований: они приносят человеческие жертвы и совершают другие религиозные обряды, далекие, от истинного благочестия» ³⁷. Вопреки распространенному мнению, византийские пряжки типа Сиракузы (рис. 7, 2) появились в Крыму во второй поло-

³⁴ Z. Čilinská. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966, рис. 10 и 11.

³⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, стр. 135—143, 161—168; В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА., 1961. 3; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 275, рис. 140.

³⁶ А. А. Васильев. Готы в Крыму. I, ИРАИМК, I, 1921, стр. 286, 287.

³⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 240 (II 25, § 9—11).

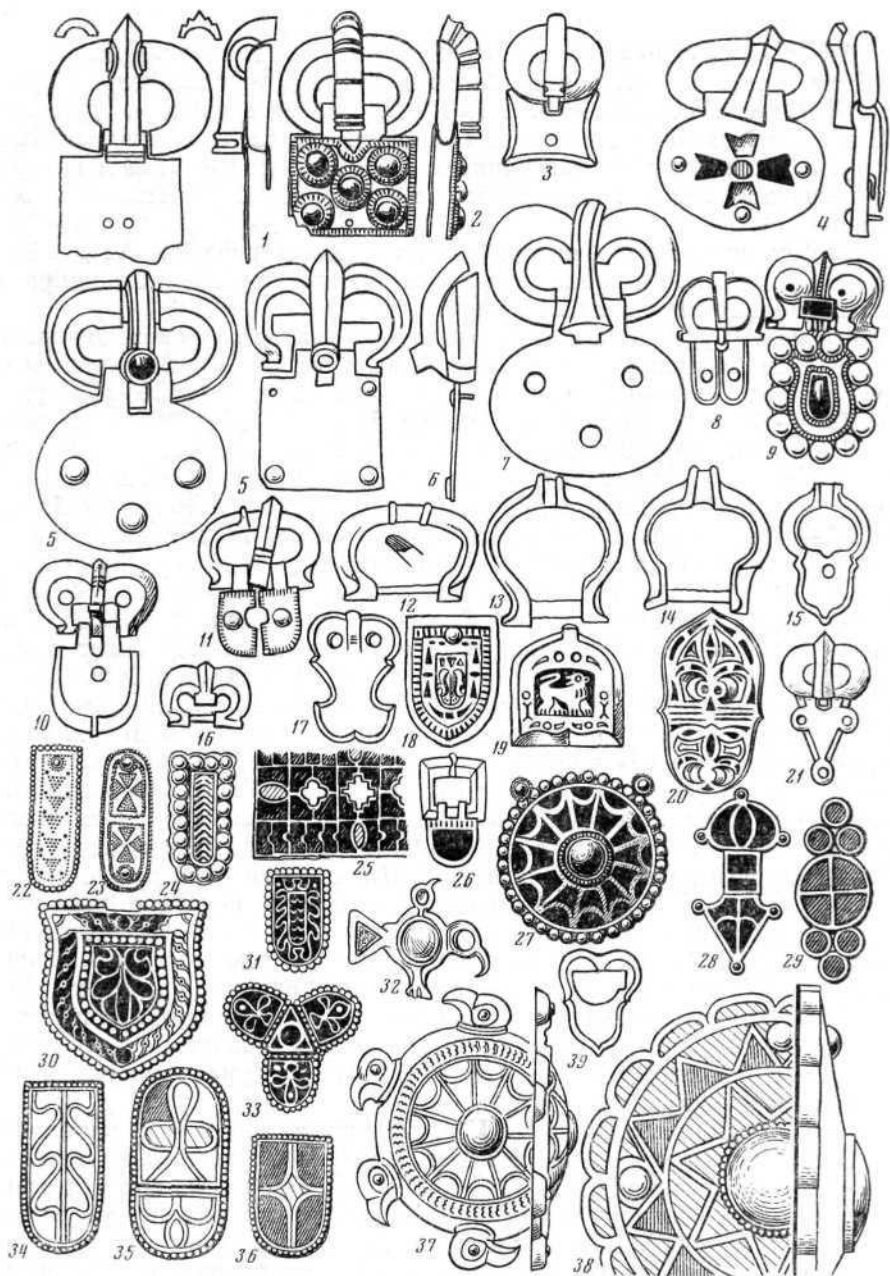

Рис. 6. Украшения VII—VIII вв.

1—6, 8, 15, 18—21, 26—29, 32, 37, 39 — VII в.;
7, 9—11, 30—31, 33—36, 38 — вторая полови-
на VII в.; 12—14 — VII и VIII вв. (13 — из
комплекса VII в.); 16, 17 — VIII в.; 22—24 —
около рубежа VII—VIII вв.; 25 — VI в.
1—21 — Тызыл, мог. 1928 г.; 2, 12, 14, 37 —
Гингид (2, 37 — случайно; 12, 14 — склеп
1897 г.); 3 — Вирск, погр. 4, 6, 8 — Цебель-
да (4 — Абгидрахва, погр. 14; 5, 8 — Ци-
билиум, могила с монетами Юстиниана I;
6 — Абгидрахва, погр. 47); 7 — Веселое,
9 — Перещеино; 10 — Хаджи; 11, 13, 39 —

Чми (11, 39 — катакомба XI; 13 — кат.
XVII); 15, 16 — Сегед-«Ченгеле» (Венгрия),
погр. I; 16 — Неволнино, погр. 13; 17 — Ку-
дыргэ, погр. 8; 18 — Кунагота, Венгрия;
20 — Фельнак, клад, Румыния; 22, 24 —
Камунта, 23 — Уфа (с рис. 8, 9); 25 — Кельн
(ФРГ); 26—28 — Былым (Кудинетово), кур-
ган; 29 — Байтал-Чапкан, погр. 23; 30, 31,
33 — Керчь; 32 — Северный Кавказ; 34—
36 — Кабардино-Балкария; 38 — Верхний
Чир-Юрт, мог. 59

вине VII в. и удерживались в VIII в., а поздний вариант пряжек типа Бал-Гота (рис. 7, 12, ранние были в VII в.), пряжки типа Коринф (рис. 7, 13) и U-образные (рис. 7, 17—22) характерны здесь для всего VIII в. Рост византийского влияния на быт варваров Юго-Западного Крыма и углубление их христианизации в VIII в. были следствием внутреннего развития, ведущего к ослаблению местных первобытнообщинных традиций.

Этот факт не противоречит тому, что вторая половина VI—VIII в. были периодом ухудшения экономической обстановки в Херсоне и экономически важных для него областях Византии.³⁸

Материалы Суук-Су позволяют поставить вопрос о происхождении геральдических наборных поясов VI—VII вв. (рис. 5 и 6). Выделяются четыре группы: I — второй половины VI в. из могил 54 и 56 в Суук-Су (рис. 5, 4—17) и из Садовско-Кале (рис. 5, 19—24); II — VII в. из могил III и IV этапов Суук-Су (типа рис. 5, 26, 36, 46, 50—59, 62, 65, 66); III — тисненные и вычурные из аварских могил и из Среднего Поднепровья (рис. 5, 38, 39, 42—44, 47, 63, 67, 70, 74—76; 6, 5, 7, 9, 10, 18—20, 24); IV — наиболее поздние, уже деградированные, из удаленных районов (Приуралье, Алтай, рис. 5, 41, 48, 49, 61, 64, 77—81; 6, 16, 17). Пояса I группы довольно просты по форме, прорези однообразны (рис. 5, 4—6, 16, 17, 21—24), их ареал — Суук-Су и Садовско-Кале в Болгарии. Более богато декорированы в стиле VII в., но непосредственно продолжают традиции I группы пояса из могил 67 (рис. 5, 36, 46, 65) и 199 в Суук-Су и из Пятра Фрекэчей в Добрудже (Румыния, рис. 5, 18, 25, 27, 29—35).³⁹ Следовательно, кроме Юго-Западного Крыма они характерны лишь для византийских крепостей на Нижнем Дунае. В этом ареале они представлены во второй половине VI в. и продолжали развиваться в VII в. В византийских крепостях на Дунае во второй половине VI в. делали также очень близкие по технике и стилю пряжки типа Суцидава (рис. 5, 1), которые пока не найдены в других областях Византии.⁴⁰ Эти пряжки попадали к гепидам и лангобардам. В СССР имеется только одна находка подобного рода в могиле с заплечиками и гробом из планок, впущенной в более ранний курган в степи около г. Большой Токмак (рис. 5, 1).⁴¹ С нею — поясные бляшки (рис. 5, 2, 3), своей простотой напоминающие бляшки из могилы 45 в Суук-Су (рис. 5, 8). Можно предполагать (до новых находок), что стиль выгнутых из пластины пряжек и поясных бляшек сложился в полуварварской среде в византийских городах и крепостях на Дунае и оттуда проник в Крым и к кочевникам Юга СССР.

II группа существовала весь VII в. Сложилось много форм полых пряжек. Бляшки стали грубее по очертаниям, их формы уже далеки от византийских прототипов (ср. рис. 5, 6, 21, 23 и рис. 5, 65, 66), прорези разнообразнее, иногда появляется тенденция передать прорезями человеческое лицо (типа рис. 5, 26, 43 и сложнее).⁴² III группа тесно переплетается со II. Известно, что боевые пояса носили подолгу, количество бляшек до-

³⁸ Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, М., 1961, стр. 60, 61, 63—67.

³⁹ П. Аурелиан. Предварительные сведения в связи с хронологией могильника в Пятра Фрекэчей. «Dacia», VI, Bucarest, 1962, рис. 13.

⁴⁰ J. W e n g e r. Byzantinischen Gürtelschnallen, стр. 39, 40, рис. 6, табл. 8, 6—11, карта 1; Старинар, I, Београд, 1950, рис. 35; D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden, табл. XXV, 13; CCXIII, 13; CLXXX, 4; CLXXXVIII, 2; П. Аурелиан. Предварительные сообщения, рис. 11, 1—2; D. Tudor. Oltenia romană. București, 1968, рис. 142.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Курганы біля м. Великого Токмака. АП, VIII, Київ, 1960, стр. 176, 177, рис. 128, 1, 2.

⁴² Есть мнение, что бляшки с детально переданным лицом — самые ранние из геральдических и что поэтому стиль возник на Северо-Западном Кавказе; V. B. Kovalevskaja. Recherches sur les systèmes sémiologiques en archéologie. Archéologie et calculateurs. Paris, 1970, стр. 190. Но в комплексах им всегда сопутствуют бляшки II и III групп («костыльковые» с «утиной головкой» вместо перекладки, язычки типа изображенных на рис. 5, 43 и др.).

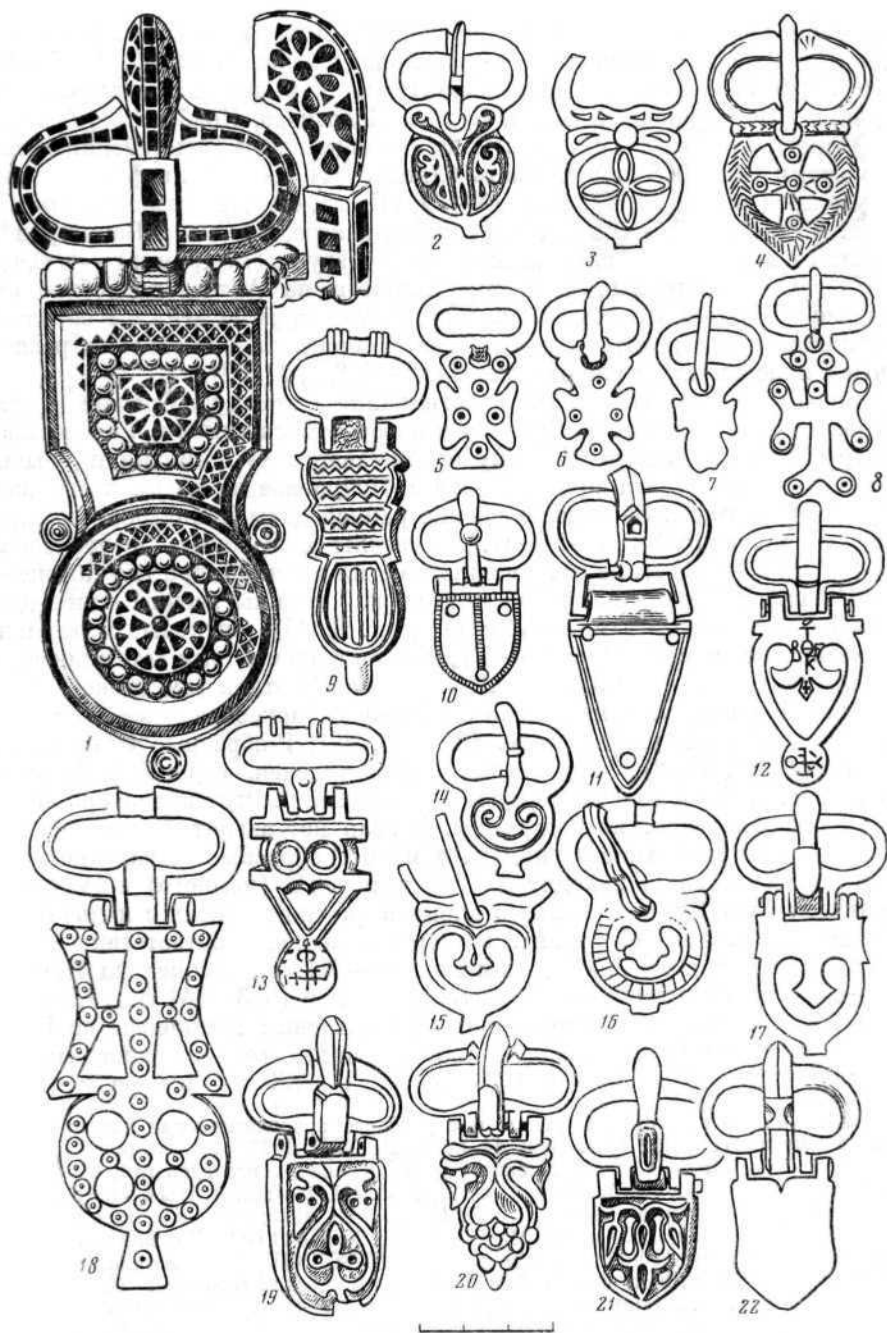

Рис. 7. Пряжки византийских типов VIII—IX вв.

1, 9—11 — конец VII — начало VIII вв.; 2 — вторая половина VII в.; 6, 7, 12—20, 22 — VIII в. и, вероятно, отчасти IX в.; 8 — IX в. 1, 10, 11 — Перещипино; 2—7, 12—14, 20 — Суук-Су (2 — погр. 58; 3—5 — погр. 131; 7, 13 — погр. 53; 12 — каменная гроб-

ница 7; 14 — погр. 80; 20 — погр. 38); 8 — Херсонес, 1914 г., склеп 18; 9 — Игар (Венгрия), находка III; 15 — Артек; 16, 21 — Эски-Кермен, склеп 14; 17, 18, 22 — Узень-Баш, склеп 1; 19 — Сахарная головка, склеп 12

полнялось, иногда заменялись потерянные экземпляры⁴³. Поэтому бляшки группы III часты в наборах II, но появилась эта группа позже, синхронно с IV этапом Суук-Су (где наборные пояса пока не представлены). Бляшки III группы вычурны по форме, прорези усложнены, нередки прорези с

⁴³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 166.

окантовкой из золотой рубчатой проволоки (иногда со вставками стекла), — это так называемый стиль псевдопряжек (рис. 5, 38, 39, 53, 56, 63, 67, 70, 71; 6, 7, 9, 10). Наиболее характерны комплексы с днепровскими фибулами (Мартыновка, Блажки, Суджа, Колосково, Подболотье; без фибул: Хацки), могилы 11, 12, 17 в Чми, Перещепино и Келегейский хутор (с монетами 641—668 гг.).⁴⁴ Часть бляшек VII в. — с рельефным тисненым узором (рис. 5, 39, 42; 6, 9, 18—20). Пояса с элементами группы III есть на Боспоре, в Абхазии, на Северном Кавказе, на Оке, в Башкирии,⁴⁵ в степях от Венгрии до Волги, и их поздние отзвуки (IV группа) — в Среднем и Верхнем Прикамье, Западной Сибири и на Алтае (подробнее см. в разделе о VIII в.). Поясам VII в. сопутствуют прямые мечи с Р-образными ушками, круглые стремена с петлей и горизонтально-овально расширенные с пластинчатым ушком (рис. 14, 2—4, 8, 9, 11, 19).

Принято считать, что аварские могильники I этапа на Среднем Дунае синхронны «нижнему слою» Суук-Су и якобы относящимся к VI в.кладам из Мартыновки и Хацков. Поэтому «раннеаварские» памятники обычно датируют с 567 г. (дата прихода авар в Подунавье по письменным данным) до 680-х годов. За подтверждение ранней даты принимают находки монет VI в.: золотой 527—565 гг. из могилы в Кунагота и бронзовых 518—527 и 527—565 гг. из разрушенных могил в Сент-Эндре (но там же — 602—610 гг.) и Деске. Аварский инвентарь I группы весьма однороден: это пряжки с вытянутыми «губами» (рис. 6, 15), тисненные и гладкие бляшки поясов (рис. 5, 42; 6, 18—20), многие с элементами «стиля псевдопряжек» (как рис. 5, 39; 6, 9 и др.), стремена III этапа (см. ниже): круглые с петлевидным ушком и слабо овальные «яблокообразные» с вытянутым пластинчатым ушком (рис. 14, 8—9, 19), Р-образные ушки мечей (рис. 10, 30, 31; 14, 2), бахромчатые бляхи уздечек, серьги из больших шаров (рис. 8, 1, 2), глазчатые бусы с разводами.⁴⁶ Этот инвентарь не делится на хронологические подгруппы. У авар нет византийских поясов I группы, нет пряжек типа Суцидава и мало В-образных. Аварские древности (и типа Кёрнье) находят соответствия в III (немного) и IV (больше) этапах Суук-Су, а особенно в днепровских комплексах с пальчатыми фибулами и поясами III группы и в Чми. В полном соответствии с этим большинство монет в аварских комплексах — VII в.: Сыннетрул Жерман (610—641 гг.), Крштур (610—641 гг.), Ловчевац (613—641 гг.), Кишзомбор «О» (602—610 гг.).⁴⁷ Очень близки к аварским комплексы из Перещепина и Келегейских хуторов на Украине, содержавшие монеты 582—602, 602—610, 613—631, 631—641, 641—668 гг. — в первом (всего

⁴⁴ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. III. СПб., 1901, табл. 14 (Хацки); ОАК, 1895, стр. 55, рис. 111—114 (Колосково); В. А. Горюхов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде. Тр. XIV АС, III, М., 1911, стр. 147, табл. III, 1—3; Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVIII, 1949; его же. Древние русы. СА, XVII, 1953 (Хацки, Колосково, Мартыновка); N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937, табл. CXXI—CXXIV (Мартыновка); J. Wernert. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. Reinecke-Festschrift. Mainz, 1950, стр. 168—170, табл. 34, 3 (Мартыновка); Д. Я. Самоковасов. Могилы русской земли, стр. 175—185 (Чми; материал в ГИМ); Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958, рис. на стр. 630 (Чми, катакомба 11); А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, 34, Пг., 1914 (дополнение: М. И. Артамонов. История хазар, рис. на стр. 240, 243, 245, 247); N. Fettich. Die Metallkunst, табл. CXXVIII, 1; CXXXIX, 1—43 (Келегейский хутор).

⁴⁵ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, табл. VI, 10; VII, 1 (Бахмутино); Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, М., 1968, табл. 5, 24, 25; 6, 26, 31, 32; 12, 14 (Бирск).

⁴⁶ I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, стр. 224—228; D. Csallany. Grabfunde der Frühawarenzeit. FA, I—II. Budapest, 1939 (Кишзомбор «О», Деска «Г». Серед-Ченгеле); его же. Византийские монеты в аварских находках. ААН, II. Budapest, 1952; I. Kovrig. Contribution au probleme de l'occupation de la Hongrie par les avars. ААН, VI, 1—4. Budapest, 1955; N. Fettich. Garnitures de fourreaux des sabres du temps des Avars en Hongrie. «Arethuse», 1926, avril, Paris, 1926, табл. VIII (Кунагота); L. Janákó. Grabfunde aus der Awarenzeit zu Pápa. AE, XLIV, Budapest, 1930.

Рис. 8. Украшения VII—IX вв.

1, 2 — VII в.; 8, 9, 45—47 — конец VII — начало VIII вв.; 7, 10—17 — VIII в.; 18—25, 34 — VIII в.; насколько заходят в IX в. — не выяснено; 27—32, 46 — вторая половина VIII — первая половина IX в.; 26, 35, 36, 48—50 — вторая половина VIII и IX вв.; 37—44 — VIII — первая половина IX в.; 33 — вторая половина IX в. 1, 2, 7, 11, 14—17 — Венгрия (1 — Саразд, 2 — Кишаомбор «О», погр. 2; 7, 11, 14—17 — Алаттыя, погр. 233, 471, 392, 502, 386, 317); 3—5 — Камунта; 6 — Песчанка, мог. 2; 8 — Глосды;

9 — Дижинское; 10 — Нове Замки (Словакия); 12, 13 — Новые Сенжары; 18, 21 — Сахарная головка, погр. 20, 14; 19, 20 — Узень-Баш, скел. 1; 22, 23, 42 — Эски-Кермен, погр. 55, 52, 41; 24 — Катанда II, кург. 5; 25 — Скалистое, погр. 307; 26, 35, 36 — Мыдлань-Шай, погр. 8, 10, 74; 27—33, 37—41, 43, 44, 46, 48—50 — Чми (27 — катакомба 2; 28, 32, 44 — кат. 26; 29, 31, 40, 46, 48, 49 — кат. 20; 30 — кат. 3; 33, 43 — кат. 8; 37 — кат. 13; 38 — кат. 21; 39 — кат. 22; 41 — кат. 18; 50 — кат. 27); 45, 47 — Перещеино

69 монет) и 610—641, 641—668 гг. — во втором (семь монет).⁴⁸ Аварские вещи известны в могильниках германцев VII в. на поселении, возникшем на развалинах византийского города Юстиниана Прима в Югославии (судя по монетам, город разрушен после 602—610 гг.). Аналогичные аварским поясные бляшки были в Акаланском кладе (Европейская Турция) с монетой 610—641 гг. Овальные стремена, изображенные на памятнике императора Тайцзуна, построенном в 637 г., типологически древнее (рис. 14, 10, 11)⁴⁹. Таким образом, при обилии данных о VII в. материалов VI в. среди привлекаемых к дискуссии раннеаварских памятников Венгрии пока нет (включая и могильник Халимба).

«Поздняя» датировка аварских древностей не нова. Д. Чаллань уже в 1939 г. отнес к VII в. основные известные комплексы, включая и Кунаго-та⁵⁰. При этом он дал типологический ряд скоб мечей: 1 — рис. 14, 4; 2 — рис. 14, 3; 3 — рис. 14, 5, связывая Р-образные скобы с большим выступом (рис. 14, 3) с более поздней частью памятников VII в. Это хорошо согласуется с материалами СССР, где скобы типа рис. 14, 3 преобладают и связаны с этапом «вычурных поясов» и последующим этапом начала VIII в. (Мартыновка, Чми, Уч-Тепе, Глодосы, Армиево, Арцыбашево, Борисово, живопись Пенджикента и Афрасиаба). В 1948 г. Д. Чаллань отнес аварскую группу I к периоду до 680 г., II (рис. 13, 1—8, 11, 12) — к 680—720 гг., III — (рис. 13, 1, 9—17) — после 720 г.⁵¹ Не столь велики, как может показаться, разногласия и с другими венгерскими специалистами по аварам. Ведь они считают, что «Мартыновская находка одна из ключевых находок этой группы VI—VII вв.». Если они по традиции все еще относят ее к «VI в., отчасти, может быть даже первой половине VI в.»,⁵² то и И. Вернер уже в 1950 г. убедительно показал, что Мартыновка датируется «эпохой Перещепина», т. е. второй половиной VII в.⁵³ Отнесение ко второй половине VI в. известных ныне «раннеаварских» памятников базировалось не столько на самом дунайском материале, сколько на ссылках на мало разработанную хронологию Юга СССР. Уточнение последней неизбежно повлекло и изменение аварской хронологии.

Авары поселились на Дунае в 567—568 гг. и на 60 лет стали серьезным противником Византии. В 620—630-е годы аварский каганат ослабел (тяжелое поражение от византийцев, отложение славянского государства Само и кутургуров, прекращение аварского политического влияния в Северном Причерноморье). В 681 г. на Дунае образовалось Болгарское государство, отделившее авар от Византии. Если ориентировочно датировать «раннеаварские» памятники в пределах 620—690 гг. (учитывая их переживание наряду с новой II группой), получается, что памятники 50—60 лет наибольшего могущества авар пока неизвестны. Это и неудивительно: С. А. Плетнева показала, что после завоевания новой области кочевники долго могли заниматься таборным кочеванием, беспрестанно переходя с места на место и оставляя слишком мало следов, уловимых для

⁴⁷ I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld, стр. 106, 113; Z. Vinski. O nalazima 6 i 7 stoljeka u Jugoslaviji. Opuscula archaeologica. Zagreb, 1958, табл. VII, 20—25; D. Csallány. Grabfunde.

⁴⁸ В. В. Кротошкин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4, М., 1962, стр. 10, 36, 37.

⁴⁹ D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Awarenzeit in Mitteleuropa. Budapest, 1956, стр. 152, 153 (Линц); A. Lippert. Ein frühawarischer Grabfund aus Wien XII. ААН, XXI, 1—2. Budapest, 1962, стр. 48—50; Старинар, V—VI, Београд, 1956, стр. 163, рис. 37, 9, 13, 14; Старинар, VII—VIII, Београд, 1958, стр. 325; J. Werner. Slawische Bügelfibeln, стр. 168 (Акалан); I. Kovrig. Contribution, табл. VI, 1—2 (памятник Тайцзуна).

⁵⁰ D. Csallány. Grabfunde, стр. 166—169.

⁵¹ D. Csallány. Rapports archéologiques entre les trouvailles tombales de l'époque avar de Szeged et des cors à boire hunno-bulgares. AE, VII—VIII—IX. Budapest, 1948, стр. 360; H. Mitscha-Mährheim. Eine awarische Grenzorganisation des 8. Jahrhunderts in Niederösterreich. Jahrbuch des RGZM. 4. Mainz, 1957, стр. 133, 134.

⁵² I. Kovrig. Das awarenzeitliche Gräberfeld, стр. 227, 228.

⁵³ J. Werner. Slawische Bügelfibeln, стр. 170.

археолога.⁵⁴ Вероятно, и следы ранних авар со временем удастся выделить среди случайно находимых и нехарактерных в культурном отношении памятников второй половины VI в. Лишь тогда, когда в начале VII в. военные успехи авар пошли на убыль и паразитическое существование за счет военной добычи затруднилось, началось более прочное оседание их на землю и выработка первого общеаварского стиля. Он был еще очень зависим от внешнего, византийского влияния, чему, как отметил Х. Митша-Мерхайм, способствовали ежегодные византийские выплаты аварам за сохранение мира.⁵⁵ В позднеаварский период, когда оседлость у авар быстро росла, появились большие поселения и большие могильники, а с 720—730-х годов впервые сложился самобытный художественный стиль литых украшений,⁵⁶ тесно связанный с духовной культурой аварского народа (рис. 13, 9, 13—17).

На Северном Кавказе хорошо представлены поясные наборы VII в. (Чмп, Борисово, Верхний Чир-Юрт, Хусанаты, Нижний Джулат и др.)⁵⁷, есть большие полые пряжки (рис. 6, 2), поздние Р-образные ушки мечей, в Чир-Юрте — варварские подражания византийским монетам середины VII в. По наличию полых пряжек, местных двупластинчатых фибул варапта II-в и других вещей к VII в. относятся могильники Пашковский I, Гилячский (особенно ярко погребение 21), Кудинетовская находка (рис. 6, 26—28)⁵⁸. Из других вещей для VII в. характерны инкрустированные фибулы-броши с головками птиц (рис. 6, 32, 37), местные броши-цикады, броши-«якорьки», геометрические броши (рис. 6, 29, 38), крупные хрустальные бусы, бронзовые коробочки, часто с вкладышем «якорька» (возможно, двувильчатый символ небесного огня, палицы Юпитера и Варуны?), детские подвески в виде фаллических человечков⁵⁹ (синхронны боспорским VII в). Разнообразные фибулы и посуду с коническими выступами из комплексов VII в. пока трудно охарактеризовать правильно, поскольку неизвестны предшествующие звенья из памятников V—VI вв. Вероятно, к концу VII и частично VIII в. относятся золотые поясные наборы, обильно украшенные зернью и тиснением, пирамидальные и некоторые составленные из больших шаров серьги «аварских» типов (рис. 6, 22—24; 8, 3, 8).⁶⁰ Элементами VIII в. в Чир-Юрте следует считать четырехугольные бронзовые (рис. 13, 21), треугольные (рис. 13, 22, иногда «рогатые»), U-образные и фестончатые пряжки (типа рис. 13, 19), настольные лунницы (рис. 8, 42), бипирамидальные стеклянные (типа рис. 8, 39) и расписные сердоликовые бусы (как на рис. 8, 37), ранние браслеты с утолщенной серединой. Вероятно, Чир-Юрт в основном относится к концу VII и первой половине VIII в.

⁵⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 181, 182.

⁵⁵ H. Mitscha-Mährheim. Eine awarische Grenzorganisation, стр. 133.

⁵⁶ Там же, стр. 134.

⁵⁷ Коллекции ГИМ, Нальчикского и Орджоникидзевского музеев; В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг., ИАК, 56, СПб., 1914 (Борисово, большинство могил I и II участков); Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД. II, Махачкала, 1961; М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника. Уч. зап. КБНИИ, XXV, Нальчик, 1967.

⁵⁸ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, 3, стр. 143, рис. 149, 150, 172, 173; М. И. Артамонов. История хазар, рис. на стр. 129; N. Fettich. Le dé-souverte, табл. XXXVIII, XXXIX — Кудинетово; М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, СА, I, 1936; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИМК, XXXVII, 1951, стр. 155—159; Очерки истории СССР, рис. на стр. 639 — Пашковская. А. К. Амброз. Фибулы..., стр. 57, 87, 88, 91, рис. 8, 8.

⁵⁹ И. Т. Кругликова. Погребение IV—VI вв. в дер. Айвазовское. СА, 1957, 2, рис. 1, 3; 2, 1, 2, 4, 6, 7 (три хороших комплекса VII в., инвентарь двух неизвестен); В. В. Кротовкин. Могильник Чуфук-Кале, рис. 44, 6.

⁶⁰ МАК, VIII, М., 1900, табл. CXXIV, 7, 12, 14—16; П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. V. Археология. Тифлис. 1902, табл. V, VI; А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА, 125, 1965; ср. Арцыбашево и Вознесенку.